

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Расстройство финансов во время тринадцатилетней войны. - Выпуск медных денег. - Их упадок в цене. - Воровские деньги. - Московский бунт 1662 года. - Отмена медных денег. - Ссора царя с патриархом: причины ее. - Враги Никона. - Раскол: его причины. - Исправление книг при патриархе Иосифе. - Единогласное пение и проповедь: восстание против этих нововведений. - Исправление книг при Никоне. - Сопротивление прежних исправителей. - Мысль об антихристе. - Монах Капитон. - Сопротивление соловецких монахов исправленным книгам. - Челобитная царю на Никона. - Окончательный разрыв его с царем. - Удаление в Воскресенский монастырь. - Успокоение Никона. - Раздражение возобновляется. - Невозможность выбрать нового патриарха вследствие требований Никона. - Пребывание Никона, в Крестном монастыре. - Собор 1660 года. - Протест Славеницкого. - Дело об отраве. - Бабарыкинское дело. - Письмо Никона к царю по этому случаю. - Паисий Лигарид. - Его старание помирить Никона с царем. - Вопросы Стрешнева и ответы на них Лигарида. - Возражение Никона на эти вопросы и ответы. - Донос Бабарыкина на Никона. - Поездка князя Одоевского и Лигарида с товарищами в Воскресенский монастырь по этому случаю. - Отправление монаха Мелетия на Восток с вопросами к патриархам относительно поведения Никона. - Волнения между константинопольскими греками. - Патриархи дают ответы, осуждающие Никона. - Приезд Афанасия иконийского в Москву. - Затруднительное положение царя. - Он вторично отправляет Мелетия звать патриархов на собор в Москву. - Грамота патриарха Нектария иерусалимского в пользу Никона. - Сытинское дело. - Письмо Никона к царю с целью отвлечь собор. - Внезапный приезд Никона в Москву и Зюзинское дело. - Грамоты Никона к восточным патриархам перехвачены. - Приезд патриархов александрийского и антиохийского. - Суд. - Осуждение. - Ссылка Никона в Ферапонтов монастырь. - Жизнь его там и сношения с царем.

Два первые года тринадцатилетней войны были самым счастливым, самым блистательным временем в царствовании Алексея Михайловича, хотя и они омрачены были моровым поветрием. Блестящие успехи воинские, собственные походы подняли дух восприимчивого царя, что так ясно высказывается в приведенном выше письме его к Матвееву о сношениях с Швециею. Неудачный поход под Ригу был началом несчастий; смуты малороссийские затянули войну, принявшую дурной оборот: Конотоп, Чудново. поражения Хованского тяжело отдавались в Москве и хотя не имели таких губительных следствий, каких можно было ожидать с первого взгляда, однако война продолжалась и не видно было ее конца - страшное бедствие для государства бедного, малонаселенного, которое едва успело оправиться после Смутного времени, в котором недавно еще происходили волнения вследствие тяжкого состояния промышленного класса, которое недавно опустошено было моровою язвою. Тяжкие подати пали на народ, торговые люди истощились платежом пятой деньги. Уже в 1656 году казны недоставало ратным людям на жалованье, и государь, по совету, как говорят, Федора Михайловича Ртищева, велел выпустить медные деньги, которые имели нарицательную цену серебряных; в 1657 и 1658 годах деньги эти действительно ходили как серебряные; но с сентября 1658 года начали понижаться в цене, именно на рубль надобно было надавать шесть денег; с марта 1659-го должны были уже на рубль надавать по 10 денег; наддача возрастала в такой степени,

что в 1663 году за один рубль серебряный надобно было давать уже 12 медных. Наступила страшная дороговизна; указы, запрещавшие поднимать цены на необходимые предметы потребления, не действовали; мы видели, в каком положении находились в Малороссии московские ратные люди, получавшие жалованье медными деньгами, которых никто у них не брал. Явилось множество воровских (фальшивых) медных денег; начали хватать и пытаться людей, которые попадались с воровскими деньгами, - один ответ: "Мы сами воровских денег не делаем, берем у других не знаячи". Стали присматривать за денежными мастерами, серебряниками, котельниками, оловяшниками, и увидели, что люди эти, жившие прежде небогато, при медных деньгах поставили себе дворы каменные и деревянные, платье себе и женам поделали по боярскому обычаю, в рядах всякие товары, сосуды серебряные и съестные запасы начали покупать дорогою ценою, не жалея денег. Причина такого быстрого обогащения объяснилась, когда у них стали вынимать воровские деньги и чеканы. Преступников казнили смертью, отсекали у них руки и прибавляли у денежных дворов на стенах, дома, имения брали в казну. Но жестокости не помогли при неодолимой прелести быстрого обогащения; воры продолжали свое дело, тем более что богатые из них откупались от беды, давая большие взятки тестю царскому - Илье Даниловичу Милославскому да думному дворянину Матюшкину, за которым была родная тетка царя по матери; в городах воры откупались, давая взятки воеводам и приказным людям. Для рассмотрения, приема и расхода меди и денег на денежных дворах приставлены были верные головы и целовальники из гостей и торговых людей, люди честные и достаточные. Но и они не одолели искушения: покупали медь в Москве и Швеции, привозили на денежные дворы с царскою медью вместе, приказывали из нее делать деньги и отвозили их к себе домой. Доносы на них не замедлили от стрельцов и денежных мастеров; обвиненные с пытки показали, что давали посулы Милославскому, Матюшкину, дьякам и подьячим. У дьяков и подьячих, у голов, целовальников отсекали руки и ноги, ссылали преступников в дальние города: на Милославского царь долго сердился, Матюшкина отставил от приказа. Но этим не были довольны и затеяли повторить расправу 1648 года.

Весною 1662 года, после Светлого воскресения, начали ходить по Москве слухи, что чернь собирается и быть от нее погрому дворянам боярина Ильи Даниловича Милославского, гостя Василия Шорина и других богатых людей за перемену в денежном деле, за то, что Шорин да еще какой-то кадашевец деньги делают. В двадцатых числах июля начали говорить, что пришли из Польши листы про окольного Ртищева. Царь жил в это время в Коломенском. 25 июля рано утром на Сретенке собрались мирские люди советоваться о пятинной деньге. Но совещания их скоро прекратились. "На Лубянке у столба письмо приклеено!" - начали кричать им люди, проходившие Сретенкою от Никольских ворот. Вся толпа хлынула на Лубянку смотреть, что за письмо? На столбе воском приклеена была бумажка, и на ней написано: "Изменник Илья Данилович Милославский, да окольный Федор Михайлович Ртищев, да Иван Михайлович Милославский, да гость Василий Шорин". Между тем Сретенской сотни соцкий Павел Григорьев уже дал знать о письме в Земский приказ, откуда приехали на Лубянку дворянин Семен Ларионов и дьяк Афанасий Башмаков и сорвали письмо. Толпа зашумела: "Вы везете письмо к изменникам, государя на Москве нет, а письмо надобно всему миру". Громче всех кричал, бросаясь на все стороны, стрелец Кузьма Ногаев: "Православные христиане! стойте всем миром; дворянин и дьяк отвезут письмо Илье Даниловичу Милославскому, и там это дело так и изойдет". Мир двинулся вслед за Ларионовым и Башмаковым, нагнали их, схватили Ларионова за лошадь и за ноги и кричали соцкому Григорьеву: "Возьми у него письмо, а не возьмешь, то придем тебя каменьями". Григорьев вырвал письмо у Ларионова, толпа окружила соцкого и двинулась назад на Лубянку, к церкви преподобного Феодосия; Ногаев вел Григорьева за ворот. Когда пришли все к церкви, Ногаев стал на лавку и читал письмо всем вслух и прибавил, что надобно за это всем

стоять. С Лубянки пошли к земскому двору, поставили и тут скамью, взвели на нее Григорьева и велели ему читать письмо, но он отказался; тогда опять начал читать Ногаев, а на другую сторону читал какой-то подьячий. Григорьев воспользовался этим временем и отошел в сторону, велел взять письмо у подьячего десяцкому своей сотни Лучке Жидкому; но мир не хотел расстаться с письмом и, окружив Жидкого, повел его в Коломенское к государю.

Царь был у обедни, празднуя рождение дочери; взглянув в окно, он увидел, что толпы народа идут в село и на двор, безоружные, но с криком и шумом, повторяя имена Милославских и Ртищева. Государь догадался, в чем дело, велел Милославским и Ртищеву спрятаться в комнатах царицы и царевен, а сам остался в церкви дослушивать обедню; царица, царевичи и царевны сидели, запершись в хорах, ни живы ни мертвы от страха. Гилевщики не дали царю дослушать обедни; они подошли к дворцу; впереди шел Лучка Жидкий и нес в шапке письмо, найденное на Лубянке. Государь вышел на крыльцо; нижегородец Мартын Жедринский взял у Жидкого шапку с письмом и поднес царю, говоря: "Изволь, великий государь, вычесть письмо перед миром, а изменников привести перед себя". "Ступайте домой, - отвечал царь, - а я, как только отойдет обедня, поеду в Москву и в том деле учиню сыск и указ". Но гилевщики держали его за платье, за пуговицы и говорили: "Чему верить?" Царь обещался богом, дал на своем слове руку, и когда один из гилевщиков ударил с ним по рукам, то все спокойно отправились в Москву. Государь не велел их трогать, хотя и было у него войско; он пошел назад в церковь дослушивать обедню, а в Москву перед собою послал боярина князя Ивана Андреевича Хованского, Здесь другая толпа гилевщиков занималась грабежом Шоринова дома. Старик Шорин успел скрыться в Кремле, в доме князя Черкасского; но мятежники захватили молодого, пятнадцатилетнего сына его, который должен был служить свидетелем против отца, должен был рассказывать, что отец его бежал в Польшу с боярскими грамотами. В это время приезжает Хованский и начинает уговаривать, чтоб прекратили смуту и не грабили ничьих домов, что нынче же приедет сам царь для сыску; но ему в ответ закричали: "Ты, боярин, человек добрый, и службы твоей к царю против польского короля много, нам до тебя дела нет, но пусть царь выдаст головою изменников-бояр, которых мы просим". Хованский отправился назад, в Коломенское, и вслед за ним туда же двинулась толпа, везя с собою на телеге молодого Шорина. За городом встретились они с первыми гилевщиками, шедшими уже из Коломенского, и уговорили их возвратиться назад; солдаты также пристали к ним; встретили боярина Семена Лукьяновича Стрешнева и погнались за ним с палками: тот едва ушел от них за реку. Царь садился уже на лошадь, чтоб ехать в Москву, когда гилевщики подвели к нему молодого Шорина, и тот начал выкрикивать заученную сказку, что отец отправился в Польшу с боярскими грамотами. Когда мальчик кончил, в толпе раздались крики: "Выдай изменников!" "Я государь, - отвечал Алексей Михайлович, - мое дело сыскать и наказание учинить, кому доведется по сыску, а вы ступайте по домам; дела так не оставлю, в том жена и дети мои поруками". Но крики не прекращались. "Не дай нам погибнуть напрасно!" - кричали одни. "Буде добром тех бояр не отдашь, то мы станем брать их у тебя сами, по своему обычаю!" - кричали другие, махали палками. Тут Алексей Михайлович обратился к стоявшим около него стрельцам и придворным и велел двинуться на гилевщиков, которые, пришедши вовсе не за тем, чтоб сражаться, побежали врознь: их начали хватать, некоторые защищались, но напрасно. Человек сто утонуло в реке, больше 7000 было перебито и переловлено, тогда как настоящих гилевщиков было не больше 200 человек, остальные пришли из любопытства, посмотреть, что будет делаться. Перехватанных отвезли в монастырь к Николе на Угрешу и там расспрашивали. Главного заводчика, кто написал письмо и приклеил, не нашли и наказали тех, кто более других участвовал в самом гиле, волею или неволею: вешали, резали ноги, руки и ссылали в дальние города.

Москва утихла; но жалобы на медные деньги продолжались: воеводы доносили, что должники приносят к ним в съезжую избу медные деньги для платежа заимодавцам, а те не берут без царского указа, просят серебряных. Наконец в 1663 году вышел указ: в Москве, Новгороде и Пскове денежного медного дела дворы отставить, а старый денежный серебряного дела двор в Москве завести и серебряные деньги на нем делать с 15 июня; а жалованье всяких чинов служилым людям давать серебряными деньгами, в казну таможенную пошлину и всякие денежные доходы брать серебряными деньгами, также и в рядах торговать всякими товарами на серебряные деньги, а медные отставить. Медные деньги во всех приказах, что ни есть налицо, по 15 июня переписать и запечатать и держать до указа, а в расход не давать; частным людям велено медные деньги сливать. Но последнее не было исполнено; указ 20 января 1664 года говорит: в Москве и в разных городах объявляются медные деньги портучены (натерты ртутью), а иные посеребрены и полужены. Государь подтверждает приказание не держать медных денег под страхом жестокого наказания, разоренья и ссылки в дальние города. Новгородский воевода князь Иван Борисович Репнин получил в 1663 году от государя похвалу за то, что рассмотрением своим для бедных людей всяким хлебным и съестным запасам положил уставную цену и запретил перекупщикам покупать прежде мирских людей, отчего запасы начали быть дешевы. Говорят, что за порчу денег переказнено было больше 7000 человек да больше 15000 наказано отсечением рук, ног, ссылкой, отобранием имения в казну. Царица от испуга во время коломенского гилля лежала больна больше году. Так печально кончилась первая попытка помочь расстроенному состоянию финансов выпуском своего рода государственных кредитных билетов, ибо что же такое были эти медные деньги с нарицательною ценою серебряных? Мы видели, что полтавский полковник Пушкарь объяснил, в чем дело. Когда Выговский, не понимая или не желая понимать значения медных денег, спрашивал: "Что это за деньги? как их брать?", то Пушкарь отвечал: "Хотя бы великий государь изволил нарезать бумажных денег и прислать, а на них будет великого государя имя, то я рад его государево жалованье принимать". При благоприятных для государства обстоятельствах кредит был силен и медные деньги держались два года; начали падать с сентября 1658 года, т. е. с измены Выговского, которая затянула войну. Тяжелый удар медным деньгам был нанесен, когда в Малороссии стали смотреть на них, как смотрел Выговский, а не как смотрел Пушкарь, перестали брать их у московских ратных людей; а другой, окончательный, удар нанесли воровские деньги.

Извне тяжкая, неудачная, разорительная война, которой и конца было не видно, внутри бедствия физические, истомление народа, его вопль и волнения и к этому еще соблазнительная, небывалая вражда царя с патриархом - вражда Алексея Михайловича с Никоном, собинным его приятелем! Мы видели, что в начале войны эта собинная дружба была во всей силе: самые видные, заслуженные, близкие к царю бояре с благоговением преклонялись пред могущественным патриархом, просили его заступления в случае неудачи своих действий. Патриарх принимал живое участие в предприятии, по характеру своему сильно увлекся успехом и поощрял царя к дальнейшим замыслам. Во время моровой язвы Никон находился при семействе царском и привез его в Вязьму, где находился Алексей Михайлович. Никон писался великим государем. Таким образом, опять явилось в Московском государстве два великих государя. Титул этот носил патриарх Филарет, но не как патриарх, а как отец царский и соправитель. Все очень хорошо помнили, что это не был пустой титул у Филарета; а теперь Никон получает этот титул уже как патриарх, следовательно, власть патриаршеская приравнивается к царской. Тон грамот Никона прямо указывал на двоевластие, например: "От великого государя, святейшего Никона, патриарха московского и всея Руси, на Вологду, воеводе князю Ухтомскому: указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси и

мы, великий государь, со всех монастырей быть для его, государевы, службы под Смоленском подводе с телегами, с проводниками и прислать к государю под Смоленск. А однолично тебе государева нашего указу в оплошку не поставит, собрав подводы с телегами и с проводниками, прислать к нам, к Москве, тотчас". Когда великий государь царь был в походе, великий государь патриарх управлял государством из Москвы. Походы, деятельность воинская и полная самостоятельность в челе полков развили царя, закончили его возмужалость: благодаря новой сфере, новой деятельности в короткое время было пережито много, явились новые привычки, новые взгляды. Великий государь возвращается в Москву и застаёт там другого великого государя, который в это время, будучи неограниченным правителем, также развился вполне относительно своего характера, взглядов и приемов... Никон не был из числа тех людей, которые умеют останавливаться, не доходить до крайности, умеренно пользоваться своею властью. Природа, одарив его способностью пробиваться вперед, приобретать влияние, власть, не дала ему нравственной твердости умерять порывы страстей; образование, которого ему тогда негде было получить, не могло в этом отношении помочь природе; наконец, необыкновенное счастье разнуздало его совершенно, и неприятные стороны его характера выступили резко наружу. Звание патриарха, которое для природы более мягкой служило бы сильною нравственною сдержкою, заставляя быть постоянно образцом стаду, при жесткой природе Никона уничтожало всякую сдержку; ибо все внимание его было обращено на права высшего пастыря, высшего истолкователя божественного закона, и в этом значении он считал для себя все дозволенным. При недостатке христианского начала, духа кротости и смирения, обстановка святительской власти, глубокое уважение со стороны царя и всех, подражавших царю (а таких, разумеется, было очень много), легко отуманили Никона, заставили его действительно считать себя вязателем и решителем во всех делах, обладающим высшими духовными дарами. Наконец, обратим внимание на время, на общество, общество крайне юное, представлявшее так мало нравственных сдержек для всякого сильного, где всякий сильный так легко увлекался своим положением и считал себе все дозволенным в отношении к менее сильным, где природа самая мягкая, самая человеческая, какая, например, была у царя Алексея Михайловича, не могла удерживать от поступков, кажущихся теперь нам очень непривлекательными. Что же позволяли себе люди с природою более жестокою, когда праву сильного смирять подчиненных не поставлялось границ, когда это смирение обыкновенно было непосредственное и сила его зависела от силы волнения, происходившего в душе разгневанного смирителя? Эта же юность общества, недостаток образования, развитием ума сдерживающего порывы чувств, охлаждающего человека, дающего ему ровность в действиях, - эта же юность общества и недостаток образования производили шаткость, отсутствие последовательности, крутые переходы, сильное падение: все это мы увидим в Никоне.

Мы видели, что Никон благодаря своему характеру давно уже успел нажить себе врагов между вельможами, и царь Алексей должен был умолять еще новгородского митрополита сдерживать свое властелинство. Но возведение на патриаршество с условием повиновения от возводивших, размеры политического влияния, уступленного царем патриарху, и, наконец, правительство во время отсутствия царя развили это властелинство до высшей степени и необходимо должны были вести к столкновениям с вельможами, к столкновению с самим царем, который нашел перемену в своем собинном приятеле, и тем легче нашел ее, что в нем самом произошла перемена, что он на многое стал теперь смотреть иначе. Всякий, кто считал себя вправе на какую-нибудь власть, на какое-нибудь влияние, необходимо сталкивался с Никоном, который не любил обращать внимания на чужие права и притязания, который считал для себя униженным и ненужным приобретать союзников, который не боялся и презирал врагов. Сама царица, родственники ее Милославские, родственники государя по матери Стрешневы и все другие

приближенные вельможи сделались врагами Никона. К ним пристали и духовные значительные лица, оскорбленные властелинством, крутостью нрава Никона, жестокостью наказаний, которым он подвергал виновных. Наконец Никон возбудил против себя сильное негодование исправлением книг и наказаниями, которым подвергались люди, не хотевшие принять этих исправлений.

Мы уже упоминали о неудовольствиях, возбужденных новизнами, вводимыми будто Морозовым, Ртищевым, Никоном. Мы видели также, что подобные новизны или по крайней мере попытки к ним начались уже давно: сначала при Иоанне III, сыне его Василии видим страдательное пользование чужим знанием, искусством, видим вызов иностранных мастеров. Иоанн IV хочет сделать этот вызов в более широких размерах, и помеха его желанию, сделанная ливонцами, ведет естественно к мысли о необходимости непосредственного сообщения с Западною Европою, о необходимости приобретения балтийских берегов, для чего начинается Ливонская война; несчастный исход этой войны еще более убеждает в необходимости сближения с Западною Европою. При Годунове являются иностранные дружины и слышатся жалобы на пристрастие русских к иностранным обычаям, на потаковничество царя этому пристрастию; русские люди отправляются учиться за границу. Лжедмитрий затевает преобразования в широких размерах, но гибнет; Смута останавливает движение к новому, особенно когда приверженцы нового явились по преимуществу в Тушинском стане и потом под Смоленском у польского короля, когда против них направилось народное восстание, восторжествовавшее во имя своей, отцовской веры. Но как скоро Смута утихла, стремление ко введению западных новизн усиливается все более и более; русские войска устраиваются на иностранный образец; происходит небывалый наплыв иностранцев в Москву; иностранные мастера заводят производства свои, получают привилегии с условием учить русских людей; пользование плодами цивилизации из чужих рук стремится стать более деятельным. Но если правительство, если люди, обладавшие более широким взглядом, чувствовали необходимость нового, необходимость преобразований и шли к ним, разумеется, сперва ощупью, колеблющимися шагами, то в этом движении своем они должны были встретить сильные препятствия, сильных и многочисленных противников. Эти препятствия происходили, естественно, от долговременного застоя, от долговременной особой жизни русских людей вдали от общества других образованных народов. от недостатка внутреннего движения. Горизонт русского человека был до крайности тесен, жизнь проходила среди немногочисленного ряда неизменных явлений; эта неизменяемость явлений необходимо приводила к мысли о их вечности, божественном освящении, они получали религиозный характер, религиозную неприкосновенность, изменение их считалось делом греховным: так жили деды и отцы, изменение их образа жизни есть греховное оскорбление их памяти. Постоянная неподвижность внешних окружающих явлений давит дух человека, отнимает у него способность к движению, к стремлению возобладать над окружающим миром и изменять его согласно с своими потребностями; напротив, здесь внешний окружающий мир господствует над человеком, принимает для него религиозное значение. Такова обыкновенно бывает жизнь сельского народонаселения, которое потому так упорно держится старого, так тяжело на подъем: здесь все новое, каждое изменение является чем-то страшным, враждебным, греховным, является произведением высших, таинственных и враждебных сил. В обществе развитом начало движения представляется городом: здесь человек непрерывно сталкивается с новыми людьми, с новыми родами деятельности, чрез это горизонт его расширяется, он привыкает к перемене, перестает бояться новизны и начинает упражнять свои духовные силы, выказывать свое господство над веществом, изменяя его, выказывать свое господство над силами природы, заставляя их служить себе, тогда как в сельской жизни, в занятиях земледельческих человек особенно чувствует могущество сил природы, находится под их влиянием. Но в Московском государстве город не мог иметь такого

значения, какое он имел в Западной Европе, не мог представлять в такой степени начала движения, развития. Московское государство было государство сельское в противоположность западным поморским государствам, государствам городским по преимуществу; в нем город был большое огороженное село, и земледелие принадлежало к числу занятий городских жителей; промышленность мануфактурная была на низкой ступени развития, торговля очень слаба: мы видели, как русские купцы объявляли, что им не стянуть с иностранными, которые и богаче и ловчее их, умеют действовать вместе, заодно.

Таким образом, сельский быт со всеми его неблагоприятными для развития условиями преобладал в Московском государстве. Отсюда понятно, почему введение повизн должно было так сильно взволновать общество: самая продолжительность застоя необходимо условливала силу упора против перемены, а сила упора в свою очередь условливала силу противоположного стремления, условливала тот переворот, к которому мы приближаемся в своем рассказе.

Если в обществе, подобном русскому XVII века, вообще вся внешняя обстановка жизни вследствие долговременной неизменяемости своей пользуется религиозным уважением, если считается грехом прикоснуться к ней, изменить, исправить, то понятно, что еще более греховным должно являться покушение произвести перемену во внешней обстановке религии, в обряде богослужебном. При отсутствии просвещения, дающего возможность различать существенное от несущественного, перемена во внешнем, могущем изменяться, кажется изменением существенного, изменением религии; мысль, что перемена есть исправление, не допускается: предки, святые отцы так молились и спаслись, угодили богу, прославились чудесами, а теперь говорят, что надобно молиться не так; говорят, что святые молились не так, как надобно! Легко понять, как должен был встревожиться древний русский человек при таких новизнах, или новшествах, по тогдашнему выражению; легко понять, что первую мыслью многих было: надобно стоять за веру, преданную отцами! Недавно Русская земля собиралась против Литвы из страха, что королевич литовский истребит веру православную, а теперь свои задумали переменить веру, вводят иное; но иное в вере, новое, чужое, представлялось не иначе как латинским, и вот мысль, что хотят у русских людей отнять православие, ввести латинские новшества, что надобно пострадать за веру, как страдали древние святые мученики. "Нам всем, православным христианам, подобает умирати за един аз, его же окаянный враг выбросил из Символа там, иде же глаголется о сыне божии Иисусе Христе: "Рожденна, а не сотворенна"; велика зело сила в сем аз сокровенна". Но древние мученики страдали, и страдания их повели к торжеству веры Христовой; что же такое теперь? зачем опять необходимость страданий? Откровение Богослова говорит, что в последние времена встанет страшный гонитель, враг Христа, антихрист, который будет отводить от истинной веры и мучить неповинующихся ему. Известно, какую силу имеют апокалипсические представления над людьми, у которых наука не умеряет еще излишней живости воображения: при каждой важной перемене, борьбе, бедствии им уже кажется, что наступают последние времена; известно, какое одушевление сообщается человеку убеждением, что он живет во времена, изображенные в таинственной книге Богослова, что борьба, которую ведет он, должна скоро окончиться торжеством агнца и всех верных ему. Протестанты в борьбе своей с католицизмом одушевлялись мыслию, что ратуют против апокалипсического Вавилона - Рима, против антихриста - папы. У нас, в Западной России, когда тот же Рим сделал попытку посредством унии отторгнуть русскую церковь от восточной, явилось немедленно представление об антихристовых временах. Наконец, в Московском государстве, когда произошло исправление книг и вслед за тем начались важные перемены гражданские, испуганному воображению приверженцев старины сейчас же представились времена, изображенные в Апокалипсисе, представились действия

антихриста. Вследствие влияния западнорусской литературы, возникшей во времена унии, явилось представление о трех эпохах антихристовских: первая эпоха - отпадение Рима папского от православия, вторая - отпадение Западной России в унию, третья - отпадение Восточной России от православия вследствие перемен церковных и гражданских. Все эти представления, как ни легко рождались они при тогдашнем состоянии умов в Московском государстве, все эти представления не могли бы, однако, иметь такой силы, произвести раскол, если бы все пастыри церкви, все священство по образованию своему сознавало законность перемен и умело истолковать пастве, что перемены суть исправления, возвращение к древней правильности. Но между священниками, даже самыми видными, значительными, между монахами, привлекавшими общее внимание подвижничеством, даже между архиереями нашлись люди, которые взглянули на церковные новизны, исправления, как на нарушение истинной веры, и таким образом дали вождей, опору движению, направленному против преобразований, против науки. Страсти человеческие, разумеется как везде, так и здесь, оказали могущественное влияние. Стремление к просвещению, к новизнам, к преобразованиям преимущественно обнаруживалось в молодом поколении. Молодые люди, приобретя сведения, необходимо начинали указывать на неправильности, толковать об исправлениях, необходимо становились учителями; кого же они учили? Людей старых, сановитых, привыкших считать свой авторитет неоспоримым, привыкших быть учителями; а теперь они видят, что яйца курицу учат, поднимают голос люди молодые потому только, что выучились грамматике у малороссийских монахов. Это оскорбляет стариков, они начинают вооружаться против новых мнений, против науки, которая вводит вредные новизны и побуждает молодых людей вооружаться против старших. Молодые, видя упорство стариков, теряют к ним всякое уважение и, чтоб поколебать их авторитет и укрепить свой, клеймят их невеждами, не понимающими дела; самолюбия в схватке, борьба разгорается.

Мы видели, как шло дело исправления церковных книг при царе Михаиле, каким гонениям подверглись исправители и как они в свою очередь отплачивали гонителям выходками против их невежества. Исправление продолжалось, ибо нельзя было печатать книг, не исправивши, не приведши текста к единству; но где было взять исправителей? Вследствие недостатка учености явилась возможность посредством видимого исправления вносить искажения в книги, что и было сделано при патриархе Иосифе исправителями: Степаном Вонифатьевым, благовещенским протопопом и духовником царским; Иваном Нероновым, ключарем Успенского собора, потом протопопом Казанского в Москве; Федором, дьяконом Благовещенского собора; Аввакумом, протопопом Юрьевца Поволжского; Лазарем, священником романовским; Никитою, священником суздальским; Логгином, протопопом муромским; Данилою, протопопом костромским, и другими. Они внесли в церковные книги утвердившееся еще в XVI веке и внесенное в Стоглав учение о сугубой аллилуия, о дуперстном сложении для крестного знамения, которое таким образом и сделалось господствующим в Московском государстве. Патриарх Иосиф крестился двумя перстами; Никон, будучи митрополитом новгородским и в начале патриаршества, крестился так же.

Но эти самые исправители, которых обыкновенно считают начальниками раскола, были в свое время людьми передовыми, требовали преобразований, улучшений и в свою очередь терпели нарекания как нововводители. Мудреный вопрос о книжном исправлении не мог быть доступен многим; но лучшим людям бросался в глаза страшный беспорядок в богослужении: в одно время в церквях пели и читали в два, три и несколько голосов, так что ничего нельзя было разобрать. Ртищев сильно хлопотал об уничтожении этого соблазна, говорил патриарху Иосифу, архиереям, боярам; помощником ему был протопоп Иван Неронов, который уговаривал священников московских ввести единогласие. Наконец оно было введено; вызваны певчие из Малороссии; оттуда же благодаря Ртищеву

и его андреевским старцам явился в Москве обычай проповеди, неслыханный прежде здесь. Но мы уже видели, как некоторые смотрели на деятельность Ртищева, как смотрели на малороссийских монахов и вводимую ими науку, как смотрели на тех, которые для усовершенствования в науке отправлялись в Киев. Новшества - единогласное пение и проповедь - возбудили также негодование: никольский поп Прокофий, где ни сойдется с гавриловским попом Иваном, так начнет говорить ему: "Заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пение да людей в церкви учить, а мы прежде людей в церкви не учивали, учивали их втайне, беса вы имате в себе, все ханжи, и протопоп благовещенский такой же ханжа!" 11 февраля 1651 года собрались священники в сенях тиунской избы, и начался у них спор о единогласии; лукинский поп Савва с товарищами кричал: "Мне к выбору об единогласии руки не прикладывать, наперед бы велели руки прикладывать о единогласии боярам и окольным: любо ль им будет единогласие?" Гавриловский поп Иван возражал: "Вы презираете изволение божие, правило св. отец, устав, государево повеление и святительское благословение". "Ты ханжа, мальчишка! - кричали ему противники. - Ты уже был у патриарха в смиреннии, будешь и еще; а нам хотя умереть, а к выбору о единогласии рук не прикладывать!"

Ртищеву помогал Неронов; Степан Вонифатьев действовал также с ними заодно, потому что приверженцы старины и его называют ханжою. Но был вопрос, в котором Вонифатьев и Неронов с товарищами сильно расходились со ртищевскими малороссиянами, с Епифанием Славеницким и товарищами его: этот вопрос был об исправлении книг. Ученый Епифаний видел искажения, которые вносились в книги невежественными издателями, и не молчал: приверженцы старины жаловались, что ученики киевских старцев ни во что ставят благочестивых протопопов Ивана, Степана и других. В таком натянутом положении находились дела, когда на патриаршеский престол вступил Никон. Вонифатьев и Неронов с товарищами не имели причины опасаться нового патриарха, который был очень дружен с ними, когда был игуменом, архимандритом и митрополитом новгородским, часто приезжал на дом к духовнику и по-приятельски обо всем с ним советовался; о книгах вопрос не поднимался. Никон, подобно всем исправителям, крестился двумя перстами; что же касается до введения порядка в богослужении, то Никон не отставал от московских ревнителей, если и не опережал их, будучи митрополитом новгородским. Но через год с чем-нибудь, по вступлении Никона на патриаршество, отношения переменились. По указаниям Славеницкого, греческого духовенства и по собственному исследованию Никон убедился, что книги испорчены. Но легко понять, как этим убеждением оскорблялось самолюбие исправителей, являвшихся теперь искажителями. Никон не обратил внимания на их оскорбленное самолюбие. Во дворце, в присутствии царя (в конце 1653 или самом начале 1654 года), патриарх держал собор, указал разности в печатных русских книгах с греческими и древними рукописями славянскими и предложил вопрос: "Следовать ли новым нашим печатным службникам или греческим и нашим старым?" Большинство отвечало утвердительно на вторую часть вопроса: но прямо воспротивился этому решению коломенский епископ Павел и старые исправители с некоторыми другими духовными лицами. Вонифатьев, впрочем, уклонился и остался на прежнем месте; но Неронов с товарищами и епископ Павел сильно упорствовали и были сосланы; дело исправления было поручено Епифанию с товарищами и греческому монаху Арсению, вызванному Никоном из Соловок, куда он был сослан, как человек, получивший образование в латинских, западных училищах и принимавший временно латинство, чтоб быть допущенным в эти училища. Собор греческих архиереев в Константинополе подтвердил решение московского. В Москве думали, что древних греческих и славянских книг, находившихся в России, еще мало, и потому отправлен был монах Арсений Суханов на Афон и в другие места для приобретения греческих рукописей. Арсений, ревностный старовер, содействовал, однако, делу исправления, привезши до 500 рукописей, греческие архиереи прислали не менее 200. Приехавший в

Москву антиохийский патриарх Макарий вместе с другими восточными архиереями торжественно объявил в Успенском соборе в неделю православия, что надобно креститься тремя перстами, и проклял тех, кто крестился двумя. Московский собор 1656 года подтвердил окончательно дело.

Но были люди, которые не хотели успокоиться на соборных решениях и свидетельстве греческих архиереев. Неронов с товарищами прислали царю челобитную: "Арсений Грек взят к Москве и живет у патриарха Никона в келии, Никон его, врага, свидетелем поставляет, а древних великих мужей и св. чудотворцев свидетельство отменяет. Ох, увы! Благочестивый царю! Стани добре, церковное чадо, и вонми плачу и молению твоих государевых богомольцев. И паки молим тебя, государь, иностранных иноков, ересей вводителей, в совет не принимай: зрим в них ни едину от добродетелей: крестного знамения истинного на лице вообразить не хотят и сложению перстов противятся; на колени же поклониться господеву покоя ради не хотят". Царь не обращал внимания на эти послания, передавал их Никону: но в народе обращали на них большое внимание, и мы видели, как в 1654 году, во время моровой язвы в Москве, толпа высказалась против Никона и Арсения Грека. Опасения потерять правую веру предков чрез новшества и страх пред временами антихристовыми волновали не одни низшие слои народные. Духовный сын Неронова, знатный человек Плещеев, писал к своему духовнику в место его заточения, в Спасо-Каменный монастырь: "И мноу нещии раздоры внити хошут вскоре и непокарающимся беды и мучения навестися хошут... Сбудутся хотящии быти раздоры, по проречению книги о вере, в ней же пишет о отпадении запада и отступлении юнитов к западному костелу, по числу еже от антихриста. Повеле бо и нам от таковых же вин опасение имети, егда исполнится от воплощения сына божия 1666 лет... Дух антихристов широким путем и пространым, ведущим в погибель, нача крепко возмущати истинный корабль Христов". Но Плещеев с товарищами напрасно обращался к Неронову за подтверждением своих страхов пред антихристом. Московские протопопы Неронов, Вонифатьев не были способны стать в челе раскольнического движения, сообщить ему особенную силу. Они сами были люди передовые, и если враждебно отнеслись к исправлению книг и Никону, то вследствие оскорбленного самолюбия, а не из фанатической приверженности к азу, из побуждений оскорбленного самолюбия Неронов готов был всеми средствами действовать против Никона и Никоновского дела, но не был способен из-за аза претерпеть не только смерти, но и заточения. Никон с своей стороны не относился фанатически к делу исправления: он был способен, по своей природе, очень жестоко поступить с теми, кто возвышал голос против него, против его власти, против его дела; но как скоро эти люди приносили свои вины перед святейшим, он готов был на уступки.

Благодаря посредничеству духовника Вонифатьева Неронов возвратился в Москву, объявил, что подчиняется решению вселенских патриархов; по просьбе самого Неронова, постригшегося в монахи под именем Григория, освобождены были и другие узники за раскол; Никон, в знак забвения прошлого, отдал Неронову все письма, которые они писали на него царю и Вонифатьеву; мало того: патриарх объявил Неронову, что все равно, можно служить и по старым служебникам, и не обращал внимания на то, что в самом Успенском соборе, по увещаниям Неронова, говорили аллилуиа по дважды. Но эти уступки не могли быть тогда поняты большинством, ибо не могло быть понято самое главное, что дело идет о внешнем, несущественном: перемена относительно двоения или троения аллилуиа считалась переменою в вере, и потому не могли успокоиться на том, что можно исповедовать одинаково и правую и неправую веру, как кому угодно. Вонифатьев, Неронов могли идти на сделку; но не хотели идти на сделку товарищи их - Аввакум, Логгин, Лазарь, которые, по этой самой неспособности к сделкам, по ревности, не знающей границ, по готовности умереть за аз, производили сильнейшее впечатление и

приобретали приверженцев делу, имевшему таких отчаянных бойцов. Скоро приобретен был новый сильный союзник: это был монах Капитон, обращавший на себя внимание необыкновенным постничеством и потому прослывшийся праведником. Наконец, против Никоновых новшеств объявил себя один из самых знаменитых монастырей. В августе 1657 года приехал в Холмогоры Софийского дома сын боярский с новыми печатными церковными книгами и с приказом от новгородского митрополита Макария раздавать книги по епархии. Он велел позвать к себе соловецкого старца Иосифа, накинул на него 18 книг и доправил денег 23 рубля 8 алтын две деньги. Иосиф отослал книги в монастырь; архимандрит Илья созвал черный собор и объявил присылку; священники и дьяконы посмотрели книги и сказали: "Будем служить по старым служебникам, по которым мы сперва учились и привыкли; мы, старики, и по старым служебникам очередей своих недельных держать не сможем, а по новым на старости лет учиться не можем же, да и некогда, что и учено было, и того мало видим; а по новым книгам нам, чернецам косным, неперемчивым и грамоте ненавычным, сколько ни учиться, а не навыкнуть, лучше с братьею в монастырских трудах быть". Тут братия закричали: "Если священники станут служить по новым служебникам, то мы от них и причащаться не хотим; если же на отца нашего, архимандрита Илию, придет какая кручина или жестокое повеление, то нам всю братьею патриарху и митрополиту бить челом своими головами, стоять всем заодно и ни в чем архимандрита не подать".

Но не все были согласны на это решение или по крайней мере некоторые отделились впоследствии, и в 1658 году явилась от них грамота к патриарху: "Бьют челом и извещают богомольцы твои, Соловецкого монастыря попы: Виталий, Кирилл, Садоф, Никон, Спиридон и Герман, на архимандрита Илию и его советников: в прошлом 1657 году присланы в Соловецкий монастырь служебники твоего, государева, исправления: архимандрит Илья принял их тайно с своими советниками и, не объявляя их никому из нас, положил в казенную палату, и лежат они там другой год непереплетенные; но когда об них узнали, то стали между собою говорить: для чего это служебников нам не покажут? И вот в нынешнем 1658 году, на шестой неделе Великого поста, архимандрит с своими советниками написали приговор о служебниках, и, созвавши нас, всех попов, принудил архимандрит великими угрозами и прещением прикладывать руки к своему бездельному приговору, складывая смуту и беду с себя на нас, будто он служебники нам давал, а мы у него не приняли; но мы у него служебников просили посмотреть, а он нам и посмотреть не дал; меня, попа Германа, дважды плетью били за то только, что обедню пропел по новым служебникам. Как начали с Руси в монастырь приезжать богомольцы и стали заирать, что в Соловках служат по старым служебникам, то архимандрит, услышав это, вымыслил новый приговор, уже не тайно, а объявил всей братии, что отнюдь нынешних служебников не принимать, а нам, всей братии, за архимандрита стоять, и, написав приговор 8 июня, собрал он всю братию в трапезу на черный собор. Случились в то время богомольцы разных городов, и произошел шум великий, начал архимандрит говорить всей братии со слезами: "Видите, братья, последнее время: встали новые учителя, от веры православной и отеческого предания нас отвращают и велят нам служить на ляцких крыжах по новым служебникам. Помолитесь, братия, чтоб нас бог сподобил в православной вере умереть, как и отцы наши!" Тут все закричали великими голосами: "Нам латинской службы и еретического чина не принимать, причащаться от такой службы не хотим и тебя, отца нашего, ни в чем не выдадим". Да и все Поморье он, архимандрит, утверждает, по волостям монастырским и по усольям заказывает, чтоб отнюдь служебников новых не принимали. Мы к такому приговору рук прикладывать не хотели, так на нас архимандрит закричал с своими советниками, как дикие звери: "Хотите латинскую еретическую службу служить! Живых не выпустим из трапезы!" Мы испугались и приложили руки".

Эта челобитная пришла в Москву, когда Никону было уже не до Соловков. Мы видели, сколько вражды накликал на себя патриарх своим великим государствованием. Враги новшеств подали государю длинную жалобу на Никона, в которой они вооружались против него не как против нововводителя только, но как против дурного патриарха: "Прежние пошлины с духовенства за рукоположение орать он не велел, только новый порядок установил: ставленникам велел привозить отписки от десятильников и от поповских старост, где кто в какой десятине живет: за такую отпискою пройдет недели по две и по четыре, да харчу станет рубль и два: приедет с отпискою к Москве и живет здесь недель по 15 и по 30, и становится поповство рублей по пяти и по шести, кроме своего харчу, дают посулы архидакону и дьякам; иные волочатся в Москве недель 10 и больше, да отошлет ставиться в Казань. Иные ставленники пропадают и безвестно живот свой мучат в Москве, к слушанью ходят, да насилу недели в две дождутся слушанья, ждут часу до пятого и до шестого ночи зимнею порою; побредет иной ночью к себе на подворье, да и пропадет без вести, а нигде на патриархове дворе пускать не велено. При прежних патриархах, кроме Иосифа, ставленники все ночевали в хлебне, а при Иоасафе-патриархе ставленники зимнею порою все дожидались в крестовой, а ночевали в хлебне безденежно; а ныне и в сенях не велят стоять, зимою мучатся на крыльце. При прежних святителях до самых крестовых сеней и к казначею, и к ризничему, и в Казенный приказ рано и поздно ходить было невозбранно; а ныне у святителя устроено подобно адову подписанию, страшно приблизиться и ко воротам, потому что одни ворота и те постоянно заперты. Священники не смеют ходить в церковь к благословию, не то что о неведомых вещах допросить; только всегда, во всякое время невозбранно ходят к благословию женки да девки: тем ныне время, и челобитные принимает от них невозбранно. Ныне на Москве вдовые попы служат: или они святы стали? Или об них знамение с небеси было? А бедным сельским запрещено, иной останется с сиротами, с пятью, шестью и больше, сами и землю пашут. Патриаршая область огромная: иные места верст на 800 от Москвы, и прежде попы отсюда ставились у ближних архиереев; патриарх Иосиф это запретил, желая собрать себе имение, и теперь так остается. Иосиф же попам перехожих грамот давать не велел по городам с десятильнических дворов, а велел давать на Москве из Казенного приказа, хотя обогатить дьяка своего Ивана Кокошилова да подьячих. Перехожая становилась иному беззаступному попу рублей по 6, 7, 10 и 15, кроме своего харчу, волочились недель по 20 и по 30, а иной бедный человек поживет на Москве недель 10 и больше, да проест рублей 5, 6 и больше, и уедет без перехожей: многие по два и по три раза для перехожих в Москву приезжали, а без них попадьи и дети их скитаются меж дворов. Святитель Никон всего этого очень держится, а в правилах написано: от церкви к церкви не переходить. И священники отнюдь из воли от церкви к церкви не переходят, изоста не найдется пяти человек попов, которые бы перешли из воли, без гонения, все переходят рыдая и плача, потому что попов и дьяконов по боярским и дворянским вотчинам в колоды и цепи сажают, бьют и от церкви отсылают. Хотя которому попу и бить челом тебе, государю, но за тем ходить будет полгода или год, да поп или дьяк насилу прав будет, потому что и в приказ даром сторожа никакими мерами не пустят, а к подьячему или дьяку и поминать нечего. Когда было у патриарха приказано в казне Ивану Кокошилову, то людям его раздавали по полтине и по рублю, а самому рублей по 5 и по 6 деньгами, кроме гостинцев, меду и рыбы, да еще бы рыба была живая, да жене его переносят гостинцев мылом и ягодами на рубль и больше, а если не дать людям, никакими мерами на двор не пустят. Если и придется кому заплатить за бесчестье попа или дьякона, то бояться нечего, потому что, по благому совету бояр твоих, бесчестье положено очень тяжкое: мордвину, черемисину, попу пять рублей да четвертая собака - пять же рублей! И ныне похвальное слово у не боящихся бога дворян и боярских людей: бей попа что собаку, лишь бы жив был, да кинь 5 рублей. Иноземцы удивляются, а иные плачут, что так обещен чин церковный! Года два тому назад нового города Корсуни протопоп приезжал с святительскою казною, дьяку Ивану Кокошилову и жене его и людям рублей

на 10 перешло от него, и казну приняли; надобно было взять от него еще отписи, он тут денег не дал и за то волочился многое время и, не хотя умереть голодною смертию, голову свою закабалил в десяти рублях да жене дьяка отнес, и она у него взяла. В это время, по твоему указу, бит кнутом за посул Кропоткин; дьяк испугался, чтоб протопоп не стал бить на него челом, да и скажи патриарху, как будто протопоп подкинул жене его 10 рублей, и патриарх приказал его же, протопопа, посадить на цепь и, муча его в разряде многое время, в ссылку сослать велел, а вор по-старому живет да ворует. А того отнюдь не бывает, чтоб старосту поповского, приехавшего с доходами, взять к себе в крестовую да расспросить о всяких мерах. При прежних патриархах, из которой десятины приедет староста поповский, сперва будет у патриарха в крестовой у благословения, святитель его пожалует, велит кормить и приказывает дьяку казну принимать не задерживая, и отдача тогда становилась с большой десятины рубля три и четыре дьяку, а подьячему рубля два или три, да проживет в Москве за отдачею 10 дней, много недели две, да всякий день приходит к святителю, и святитель спрашивает о всяких мерах и подачами жалуется мало не всякий день. А ныне, за свои согрешения, всего того лишились. Да он же, святитель, велел во всей области переписать в городах и уездах и данью обложил вновь, да в окладе же велел положить с попова двора по 8 денег, с дьяконова по алтыну, с дьячкова, Пономарева и просвирнина по грошу, с нищенского по две деньги, с четверти земли по 6 денег, с копны сена по две деньги. Татарским абызам жить гораздо лучше! Никон же велел собрать во всем государстве с церковей лошадей, да челом ударил государю (1655 год), да и тут лошадей с 400 или с 500 разослал по своим вотчинам. Видишь ли, свет премилостивый, что он возлюбил стоять высоко, ездить широко. Есть ли обычай святителям бранные потребности строить? Сей же святитель принял власть строить вместо Евангелия бердыши, вместо креста топорки тебе на помощь, на бранные потребности".

Здесь Никона обвиняют, во-первых, в том, что он не отстранил тех тяжких для духовенства обычаев, какие ввел его предшественник по своему корыстолюбию; но главное положительное обвинение Никону состоит в том, что он уничтожил прежнюю общительность между верховным святителем и подчиненным ему духовенством, преимущественно белым. Патриарх окружил себя недоступным величием, "возлюбил стоять высоко, ездить широко". "Я под клятвою вселенских патриархов быть не хочу, - говорил однажды Неронов Никону, - да какая тебе честь, владыка святой, что всякому ты страшен и, друг другу грозя, говорят: знаете ли, кто он, зверь ли лютый, лев, или медведь, или волк? Дивлюсь: государевы царицы власти уже не слышать, от тебя всем страх, и твои посланники пуще царских всем страшны, никто с ними не смеет говорить, затвержено у них: знаете ли патриарха! Не знаю, какой образ или звание ты принял?" Но и подле царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слышать, что посланцев патриаршеских боятся больше, чем царских, что великий государь патриарх не довольствуется и равенством власти с великим государем царем, но стремится превзойти его; вступает во всякие царственные дела и в градские суды, памяти указные в приказы от себя посылает, дела всякие без повеления государева из приказов берет, многих людей обижает, вотчины отнимает, людей и крестьян беглых принимает. Когда Алексей Михайлович окончательно поверил этим внушениям, неизвестно; очень может быть, что и сам он не умел в точности определить этой печальной для него минуты, когда последняя, может быть ничтожная, капля упала в сосуд и переполнила его. Любовь и нелюбье подкрадываются незаметно и овладевают душою; человек уверен, что он все еще любит или что все еще хладнокровен, пока наконец какое-нибудь ничтожное обстоятельство не вскрыет состояния души, давно уже приготовленного. По природе своей и по прежним отношениям к патриарху царь не мог решиться на прямое объяснение, на прямой расчет с Никоном; он был слишком мягок для этого и предпочел бегство. Он стал удаляться от патриарха. Никон заметил это и также, по природе своей и по положению, к которому привык, не мог идти на прямое объяснение с царем и вперед сдерживаться в своем

поведении. Холодность и удаление царя прежде всего раздражили Никона, привыкшего к противоположному; он считал себя обиженным и не хотел снизойти до того, чтоб искать объяснения и кроткими средствами уничтожить нелюбье в самом начале. По этим побуждениям Никон также удалялся и тем давал врагам своим полную свободу действовать, все более и более вооружать против него государя.

Как скоро вельможи, враждебные патриарху, уверились, что их сторона взяла верх, то не замедлили дать почувствовать врагу свое торжество. Летом 1658 года был обед во дворце по случаю приезда в Москву грузинского царевича Теймураза. Окольничий Богдан Матвеевич Хитрово очищал путь царевичу; он это делал по известному обычаю, наделяя палочными ударами тех, кто слишком высовывался из толпы; случилось, что попался ему под палку дворянин патриарший. "Не дерись, Богдан Матвеевич! - закричал дворянин. - Ведь я не простой сюда пришел, а с делом". "Ты кто такой?" - спросил окольничий. "Патриарший человек, с делом посланный", - отвечал дворянин. "Не чванься!" - закричал Хитрово, и с этими словами ударил его в другой раз по лбу. Дворянин побежал жаловаться патриарху, и тот своею рукою написал к царю, прося разыскать дело и наказать Хитрово. Алексей Михайлович отвечал также собственноручною запискою, что велит сыскать и сам повидается с патриархом. Но свидания не было. Наступило 8 июля, праздник Казанской богородицы, крестный ход: царь не был в Казанском соборе ни на одной службе; через день, 10-го числа, был также большой праздник в Москве, установленный с недавнего времени, праздник Ризы господней, принесенной из Персии при царе Михаиле; перед обеднею явился к патриарху князь Юрий Ромодановский с приказанием от царя, чтоб не дожидались его к обедне в Успенский собор. Но к этому приказанию Ромодановский прибавил еще другое. "Царское величество на тебя гневен, - сказал он, - ты пишешься великим государем, а у нас один великий государь - царь". "Называюсь я великим государем не сам собою, - отвечал Никон, - так восхотел и повелел его царское величество, свидетельствуют грамоты, писанные его рукою". "Царское величество, - продолжал Ромодановский, - почтил тебя как отца и пастыря, но ты этого не понял; теперь царское величество велел мне сказать тебе, чтоб ты вперед не писался и не назывался великим государем, и почитать тебя вперед не будет". Разговор этим кончился. Никон отправился в собор служить обедню и после причастия велел ключарю поставить по сторожу, чтоб не выпускать людей из церкви: поучение будет! Пропели "Буди имя господне", народ столпился около амвона слушать поучение и услышал странные слова. "Ленив я был вас учить, - говорил патриарх, - не стало меня на это, от лени я окоростовел, и вы, видя мое к вам неучение, окоростовели от меня. От сего времени я вам больше не патриарх, если же помыслю быть патриархом, то буду анафема. Как ходил я с царевичем Алексеем Алексеевичем в Колязин монастырь, в то время на Москве многие люди к Лобному месту собирались и называли меня иконоборцем, потому что многие иконы я отбирал и стирал, и за то меня хотели убить. Но я отбирал иконы латинские, писанные по образцу, какой вывез немец из своей земли. Вот каким образом надобно верить и поклоняться (при этом указал на образ Спасов в иконостасе), а я не иконоборец. И после того называли меня еретиком, новые-де книги завел! И все это делается ради моих грехов. Я вам предлагал многое поучение и свидетельство вселенских патриархов, а вы, в окаменении сердец своих, хотели меня камением побить; но Христос нас один раз кровию искупил, а меня вам камением побить - и мне никого кровию своею не избавить, и чем вам камением меня побить и еретиком называть, так лучше я вам от сего времени не буду патриарх". Кончил и стал разоблачаться; послышались всхлипывания, голоса: "Кому ты нас, сирых, оставляешь!" "Кого вам бог даст и пресвятая богородица изволит", - отвечал Никон. Принесли мешок с простым монашеским платьем: но тут толпа двинулась и отняла мешок. Никон пошел в ризницу и написал письмо к царю: "Отхожу ради твоего гнева, исполняя писание: дадите место гневу, и паки: егда изженут вас от сего града, бежите во ин град, и еже аще не примут вас, грядуще отрясите прах от ног ваших". В

ризнице Никон надел мантию с источниками, а клобук черный, посох Петра-митрополита поставил на святительском месте, взял простую палку и пошел было из собора, но народ бросился к дверям и не пустил его, выпустил только крутицкого митрополита Питирима, который пошел во дворец сказать царю, что делается в соборе. Алексей Михайлович сильно встревожился. "Точно сплю с открытыми глазами и все это вижу во сне", - сказал он и отправил в собор самого сановитого боярина, князя Алексея Никитича Трубецкой. Много переменялось с тех пор, как в 1654 году этот же самый Трубецкой перед отправлением в поход с благоговением принимал благословение Никона, бывшего во всей своей силе и славе! И теперь Трубецкой начал тем, что подошел под благословение к патриарху, но получил в ответ: "Прошло мое благословение, недостойн я быть в патриархах". "Какое твое достоинство? Что ты сделал?" - спрашивал простодушно Трубецкой. "Если тебе надобно, то я стану тебе каяться", - отвечал Никон. Трубецкой еще больше смутился: "Это не мое дело, не кайся, скажи только, зачем бежишь, престол свой оставляешь? Живи, не оставляй престола! Великий государь наш тебя жалует и рад тебе". "Поднеси это государю, - сказал Никон, подавая Трубецкому письмо, - попроси царское величество, чтоб пожаловал мне келью". Трубецкой отправился во дворец; Никон, в сильном волнении, то садился на нижней ступени патриаршего места, то вставал и подходил к дверям; но народ с плачем не пускал его; наконец и сам Никон заплакал. Все ждали, что царь явится, последует объяснение и примирение между ними: но вместо царя вошел опять Трубецкой и, отдавая Никону письмо его назад, говорил именем царским, чтоб он патриаршества не оставлял, а келий на патриаршем дворе много. "Уже я слова своего не переменяю, - отвечал Никон, - да и давно у меня обещание, что патриархом не быть". Поклонившись боярину, патриарх вышел из церкви, но когда хотел сесть в карету, то народ бросился на нее и выпряг лошадей: Никон пошел пешком через Кремль к Спаским воротам, но народ забежал вперед и запер ворота; Никон сел в одном из углублений (в печуре). Тут явились посланные из дворца и заставили отворить ворота; Никон встал и опять пошел пешком через Красную площадь на Ильинку, на подворье построенного им Воскресенского монастыря (Нового Иерусалима), благословил плачущий народ, отпустил его и чрез несколько времени сам отправился в Воскресенский монастырь.

На третий день, 12 июля, туда поехали к нему князь Алексей Никитич Трубецкой и дьяк Ларион Лопухин. "Для чего ты, святейший патриарх, - спрашивал Трубецкой, - поехал из Москвы скорым обычаем, не доложив великому государю и не подав ему благословения? А если бы великому государю было известно, то он велел бы тебя проводить с честью. Ты бы, - продолжал боярин, - подал великому государю, государыне царице и детям их благословение: благословил бы и того, кому изволит бог быть на твоём месте патриархом, а пока патриарха нет, благословил бы ведать церковь крутицкому митрополиту". "Чтоб государь, государыня царица и дети их пожаловали меня, простили, - отвечал Никон, - а я им свое благословение и прощение посылаю и, кто будет патриархом, того благословляю; бью челом, чтоб церковь не вдовствовала и беспастырна не была, а церковь ведать благословляю крутицкому митрополиту; а что поехал я вскоре, не известив великому государю, и в том перед ним виноват: испугался я, что постигла меня болезнь и чтоб мне в патриархах не умереть; а вперед я в патриархах быть не хочу, а если захочу, то проклят буду, анафема".

По-видимому, Никон совершенно успокоился, приняв твердое намерение не возвращаться на патриаршество и занявшись исключительно заботами о своем любимом Воскресенском монастыре; необыкновенным смирением дышит письмо его к царю, отправленное с Трубецким или вслед за ним: "Многогрешный богомолец ваш, смиренный Никон, бывший патриарх, о вашем душевном спасении и телесном здравии господа бога ей-ей со слезами молю и милости у вас, государей, и прощения прошу, бога ради, простите мне многое к

вам согрешение, которому воистину нет числа. По отшествии вашего боярина князя Алексея Никитича с товарищами ждал я от вас, великих государей, по моему прошению милостивого указа, не дождался и многих ради болезней своих велел отвезти себя в Воскресенский монастырь". Приехал в Воскресенский монастырь окольный Иван Михайлович Милославский и объявил Никону от имени царского, что боярин Борис Иванович Морозов опасно болен, и если патриарху была на него какая-нибудь досада, то он бы простил умирающего. Никон письменно отвечал государю: "Мы никакой досады от Бориса Ивановича не видали, кроме любви и милости; а хотя бы что-нибудь и было, то мы - Христовы подражатели, и его господь бог простит, если, как человек, в чем-нибудь виноват пред нами. Мы теперь оскудели всем и потому молим твою кротость пожаловать что-нибудь для созидания храма Христова Воскресения и нам, бедным, на пропитание, а мы ради поминать его, боярина; ничто так не пользует нашей души, как создание св. церквей; а всего полезнее для души его было бы, если б он изволил положиться в доме живоносного Воскресения, при св. Голгофе: и память бы такого великого боярина не престала вовеки, и бог бы, ради наших смиренных молитв, успокоил его".

Но скоро тон писем Никона и разговор его с посланными царскими изменяется. Раздраженный окончательно речами Ромодановского 10 июля, Никон решился поразить царя и народ своим удалением; впечатление было произведено сильное, как мы видели, но все не такое, какого мог ожидать Никон: царь не пришел для объяснения с ним в Успенский собор, не умолял его остаться, не просил торжественно прощения, сцена, происходившая при избрании Никона на патриаршество, не повторилась. Но зато и речи, которые позволил себе Ромодановский, не повторялись более; посланные царские относились к Никону с уважением, царь присылал с теплыми словами, напоминавшими прежние отношения. Эти присылки и медленность царя относительно избрания нового патриарха испугали врагов Никона; они видели, как царь волнуется тяжелыми сомнениями: хорошо ли поступлено с Никонем, действительно ли он виновен? И вот враги Никона стараются убедить Алексея Михайловича, что бывший патриарх действительно виновен. Сам царь дал знать Никону об опасности, пославши сказать ему, что только он, государь, да еще князь Юрий (Долгорукий?) добры до него. Скоро после этого Никон узнает, что враги под ним подыскиваются, хотят показать его неправды, его грехи, его недостойность, показать, что напрасно Никон старается внушить, будто удалился вследствие гонения несправедливого, не стерпя неправды царской и грехов народных, но что ему следовало оставить патриаршество по своему собственному недостойности. Никон увидал перед собою ту бездну, к которой привел его поступок 10 июля; возврата не было, и вот поднимаются искушения: человек, привыкший стоять на первом плане, привыкший, чтоб всё и все к нему относились, все пред ним преклонялись, оставлен, забыт! Мало того: отдан на жертву врагам, которые позорят его! Человек, привыкший к обширной и видной деятельности, принужден ограничиться мелкими заботами о постройке монастыря. Явились и другие искушения: привыкши к роскоши, изобилию во всем, Никон сильно чувствовал отсутствие этой роскоши, этого изобилия в Воскресенском монастыре. Все это начало волновать, раздражать натуру, столь способную волноваться и раздражаться: нравственного величия, христианского духа Никону не доставало для преодоления искушений, и вот он ищет средств, как бы удержаться в выгодном положении и относительно чести, и относительно средств жизни, выставляет такие права свои, которые могли казаться незаконными и опасными даже и не врагам его. Раздражение, борьба и соблазн усиливаются.

Патриарху дали знать, что пересматривали его бумаги, что всяких чинов людям запрещено ездить к нему в Воскресенский монастырь, и Никон пишет к государю: "Молю не прогневаться на богомольца вашего, решаюсь писать к тебе о нужнейших делах, уповаю на прежде бывший твой благий нрав о бозе. Слышал я, что ты велел возвратить, что

прежде дал святой великой церкви: умоляю тебя господом не делать этого. Ты, великий государь, чрез стольника своего Афанасия Ивановича Матюшкина прислал мне свое милостивое прощение, а теперь, как слышу, ты поступаешь со мною не как с человеком прощенным, но как с последним злодеем: пересмотрены худые мои вещи, оставшиеся в келье, пересмотрены письма, а в них много тайн, которых никому из мирских людей не следует знать, потому что я был избран как первосвященник и много ваших государевых тайн имею у себя: также много писем от других людей, которые требовали у меня разрешения в грехах, - этого никому не должно знать, ни самому тебе. Дивлюсь, как ты скоро дошел до такого дерзновения! Прежде ты боялся произнести суд над простым церковным причетником, а теперь захотел видеть грехи и тайны того, кто был пастырем всего мира, и не только сам видеть, но и мирским объявить. Вскую наше ныне судится от неправедных, а не от святых? Слышим, что все это делается для того, чтоб отобрать твои грамоты, в которых ты писал нас великим государем, не по нашей воле, а по своему изволению; не знаю, откуда взялось это название, но думаю, что от тебя: ты писал так во всех своих грамотах, и к тебе так писано в отписках из всех полков, во всяких делах, и невозможно этого исправить. Да потребится злое мое и горделивое проклятое название, хотя и не по своей воле получил я его; надеюсь на господа, что нигде не найдется моего хотения и веления на это, разве ложно сочинят: ради этих ложных сочинений я много пострадал и стражду господа ради от лжебратии: что сказано мною со смирением, то передано гордо; что сказано благохвально, то передано хульно, и такими лживыми словами возвеличен гнев твой на меня; истязуют от меня то, чего не хотел, не искал, - называться великим государем, перед всеми людьми укорен и поруган понапрасну; думаю, и ты помнишь, что и во св. литургии, слышал, по нашему указу кликали великим господином, а не великим государем. Был я некогда во всяком богатстве и единотрапезен с тобою, не стыжусь этим похвалиться; и питан был как телец на заклание жирными многими пищамя, по обычаю вашему, государеву; много этим насладившись, скоро не могу забыть: так теперь, 25 июля, все веселились, все праздновали рождение благоверной царевны Анны Михайловны; один я, как пес, лишен богатой вашей трапезы, но и псы питаются от крупы, падающих от трапезы господ своих; если бы я не считался врагом, то не был бы лишен малого ломтя хлеба от богатой вашей трапезы. Пишу это не потому, что хлеба лишаюсь, но требуя милости и любви от тебя, великого государя. Молю: перестань, господа ради, понапрасну гневаться: я больше всех людей оболган тебе, поношен и укорен неправедно; потому молю, переменись ко мне, господа ради, и не делай мне, грешному, немилосердия; чего себе не хочешь, другим не делай. Разве тебе хочется, чтоб все знали твои тайны против твоей воли? Как будешь помилован, сам не бывши милостив? И не один я, но многие ради меня страдают. Недавно ты приказывал ко мне с князем Юрием, что только ты да князь Юрий до меня добры; а теперь один ты ко мне, убогому богомольцу, очень немилостив явился, хотящим меня миловать возбраняешь, всем накрепко запрещено приходить ко мне. Господа бога ради, молю, перестань! Если ты и царь великий, от бога поставленный, но поставленный для правды; а какая моя неправда пред тобою? что ради церкви просил суда на обидящего? и вместо суда праведного получил ответы, полные немилосердия! Ныне же слышу, что вопреки законам церковным сам дерзаешь судить церковный чин, чего не поведено тебе богом. Некоторые говорят, что я много казны взял с собою; не взял, но сколько будет издержано на церковное строение, и по времени хотел отдать, и что дано Воскресенскому казначею во время моего отъезда, и то дано не ради корысти, но чтоб не оставить братию в долгу, потому что с работниками печем было расплатиться. А другие издержки сделаны на глазах всех людей: двор московский выстроен - стал тысяч десятков и два и больше; насадный завод тысяч в десять стал; тебе, великому государю, десять тысяч поднес на подъем ратных людей; тысяч с десять в казне налицо, 9000 дано теперь на насад, прошлым летом на 3000 рублей лошадей куплено; шапка архиерейская тысяч пять-шесть стала, а иного расхода, святой

бог весть, сколько убогим, сиротам, вдовицам, пищим роздано; тому всему книги есть в казне; но во всем каюсь, господу ради, прости да сам прощен будешь".

Никону доносили справедливо, что к нему запрещено ездить: в 1659 году певчие дьяки Иван Тверитинов и Савва Семенов вопреки указу были у патриарха в Воскресенском; их взяли к допросу, и они рассказали свой разговор с Никоном. "Услышите, - говорил патриарх, - какие к вам вести недобрые будут вскоре!" Говорил и про Выговского: "Когда я был на Москве, то на меня роптали, будто я Выговского принял; но ведь при мне никакой от него неправды не было, а теперь он отошел от великого государя неведомо почему; когда я был, то великому государю о них бивал челом и во всем заступался; и теперь стоит мне только две строчки написать Выговскому, и он будет по-прежнему служить великому государю и меня послушает; и прежде во всем добром меня слушивал, только надобно их держать умеючи".

Подобные разговоры Никона с посетителями, старание его выставить, как он необходим для государства, как все было хорошо при нем и все стало дурно после него, разумеется, не могли возбудить в Москве желания позволить всем ездить в Воскресенский монастырь. Царь отправил к Никону дьяка Деметрия Башмакова объявить, что духовенству не было никакого запрета ездить к нему в Воскресенский монастырь. Башмаков нашел патриарха в пустыни близ монастыря, спросил от имени государева о спасении и поднес жалованье: вино церковное, муку пшеничную, мед-сырец, рыбу. Никон бил челом за жалованье, спрашивал о государевом многолетнем здоровье и потом пошел к обедне. После обедни патриарх отправился из пустыни в большой монастырь, перед ним шли дети боярские; у монастырских ворот по сторонам стояли стрельцы, человек с десять, на монастыре встречал архимандрит с братиею. Вошедши в келью с Башмаковым, Никон начал жаловаться, что его забывают, что его не считают больше патриархом. "Между властями, - говорил он, - много моих ставленников, они обязаны меня почитать, они давали мне письмо за своими руками, что будут почитать меня и слушаться. Я оставил святительский престол в Москве своею волею, московским не зовусь и никогда зваться не буду; но патриаршества я не оставлял, и благодать св. духа от меня не отнята: в Воскресенском монастыре были два человека, одержимые черным недугом, я об них молился, и они от своей болезни освободились; и когда я был на патриаршестве, и в то время моими молитвами многие от различных болезней освободились".

Эти притязания Никона сильно смутили царя, должны были смутить многих, даже и не врагов Никона: теперь нельзя было приступить к избранию нового патриарха, не решивши вопроса, в каком же отношении будет находиться новый патриарх к старому? Притязания Никона явно показывали, что он хочет сохранить первенствующее положение, хочет сохранить прежнюю власть над владыками, указывая на то, что они поставлены им и клялись быть ему послушными. Будет, следовательно, два патриарха? И как выбирать нового? Какое значение дать при этом Никону, а Никон малым значением не удовольствуется! Он говорит, что благодать осталась с ним, что он чудотворец! Скоро Никон высказался, какое он хочет иметь значение при избрании нового патриарха. Крутицкий митрополит, который вследствие его удаления принял управление делами патриаршества, счел себя вправе заменить патриарха и в известной церемонии в Вербное воскресенье, когда патриарх ездил на осяте, представляя Христа, въезжавшего таким образом в Иерусалим. Никон, узнавши об этом, послал такое письмо государю: "Некто дерзнул седалище великого архиерея всея Руси олюбодействовать, в неделю ваий деяние действовать. Я пишу это не сам собою и не желая возвращения к любоначалию и ко власти, как пес к своей блевотине. Если хотите избирать патриарха благозаконно, праведно и божественно, да призовется наше смирение с благоволением, честно. Да начнется избрание соборно, да сотворится благочестиво, как дело божественное; и кого

божественная благодать изберет на великое архиерейство, того мы благословим и передадим божественную благодать, как сами ее приняли; как от света воссиявает свет, так от содержащего божественную благодать приидет она на новоизбранного чрез рукоположение, и в первом не умалится, как свеча, зажигая многие другие свечи, не умалится в своем свете".

После этого было ясно, что русской церкви предстоит двупатриаршество, 1 апреля 1659 года отправились к Никону от царя думный дворянин Прокофий Елизаров и думный дьяк Алмаз Иванов напомнить ему, что он от патриаршества отказался и потому уже не следует ему вмешиваться в дела церковные. "Ты с князем Трубецким приказывал, - говорил Елизаров, - что московским патриархом никогда не будешь и дела тебе до архиерейского чина нет: а теперь пишешь, что крутицкий митрополит дерзнул седалище великого архиерея олюбодействовать; оставя паству свою, писать тебе этого не довелось; действие учинил митрополит по государеву указу, и прежде всегда так бывало". "Первый архиерей, - отвечал Никон, - во образ Христов, а митрополиты, архиепископы и епископы во образ апостолов, и рабу на седалище господина дерзать не достоин; прежде делали это по неведению, и сам я в Новгороде делал по неведению, а во время архиерейства своего во многих суетах исправить этого не успел. А престол святительский оставил я своею волею, никем не гоним, имени патриаршеского я не отрицался, только не хочу называться московским, о возвращении же на прежний престол и в мыслях у меня нет". Елизаров продолжал свое: "Вперед о таких делах к великому государю не пиши, потому что ты патриаршество оставил". Никон: "В прежних давних летах благочестивым царям греческим об исправлении духовных дел и пустынноики возвещали: я своею волею оставил паству, а попечения об истине не оставил и вперед об исправлении духовных дел молчать не стану". Елизаров: "При прежних греческих царях процветали ереси, и те ереси пустынноики обличали, а теперь никаких ересей нет и тебе обличать некого". Никон: "Если митрополит действовал по указу великого государя, то я великого государя прощаю и благословение ему подаю".

Мы видели, каким ужасом поражена была Москва, когда пришла весть о конотопском поражении: ждали хана и Выговского под царствующий град. Царь вспомнил о Никоне и послал предложить ему более безопасное убежище, именно крепкий монастырь Макария Колязинского. Никон встретил жестко это предложение и сказал посланному: "Возвести благочестивейшему государю, что я в Колязин монастырь неиду, лучше мне быть в Зачатейском монастыре; а есть у меня и без Колязина монастыря, милостию божиею и его, государевою, свои монастыри крепкие - Иверский и Крестный, и я, доложась великому государю, пойду в свои монастыри, и ныне возвести великому государю, что иду в Москву о всяких нуждах своих доложиться ему". Посланный не понял, о каком Зачатейском монастыре говорит патриарх, и спросил объяснения; Никон отвечал: "Тот, что на Варварском Крестце под горою у Зачатия". "Ведь там только тюрьма большая, а не монастырь", - возразил посланный. "Ну вот этот самый и Зачатейский монастырь", - отвечал Никон. Патриарх приехал в Москву, виделся с царем, с царицею, принят почтительно, одарен, но развязки никакой не последовало. Сохранилось любопытное известие одного иностранца, бывшего тогда в Москве: приехавши в столицу, Никон хотел приклонить к себе народ, устроил трапезу для странных, сам обмывал им ноги; желая сложить вину продолжительной, тяжкой войны на государя, спрашивал, как будто ничего не зная, заключен ли мир с поляками? Когда ему отвечали, что нет, глубоко вздохнул и сказал: "Святая кровь христианская из-за пустяков проливается" и т. д. Узнавши об этих разговорах, царь немедленно велел Никону выехать из Москвы.

Никон отправился в Крестный монастырь. В начале 1660 года царь велел созвать духовный собор и предложил ему решить трудный вопрос. Собор открылся 17 февраля:

прежде всего боярин Петр Михайлович Салтыков принес письменные сказки о том, как Никон оставил патриаршество: преосвященные приняли сказки и начали допрашивать свидетелей, священного чина людей по священству, а прочих по евангельской заповеди. В сказках крутицкого митрополита Питирима и князя Трубецкого было написано: "Патриарх Никон патриаршества своего отрекся с клятвою"; в остальных сказках о клятве не было упомянуто, но во всех говорилось согласно, что Никон от патриаршества отрекся и вперед на нем обещался не быть. Собор послал боярина Салтыкова доложить великому государю, что святейший патриарх Никон, как дознано, оставил патриаршеский престол своею волею, и как великий государь укажет? Салтыков возвратился с ответом, что государь указал собору выписать из правил св. апостол и св. отец все относящееся к подобным случаям и у выписки велел быть архиепископу Маркелу вологодскому, архиепископу Илариону рязанскому, Макарию псковскому, Чудова монастыря архимандриту Павлу, Свирского Александрова монастыря игумену Симону. 27 февраля собор слушал выписи и рассуждал: Никон не внял прошению великого государя, объявленному князем Трубецким; не внял прошению архиереев и прочего духовенства, бывшего при его отречении в Успенском соборе; не объявил причину отречения ни великому государю, ни архиереям, ни собору, не оставил никакого объяснения, объявил только, что отрекается ради своего невежества и грехов. После этого рассуждения собор определил по правилам: когда епископ отречется от епископии без благословной вины, то по прошествии шести месяцев поставлять другого епископа; кроме того, определил, что Никон должен быть чужд архиерейства, и чести, и священства. Трижды подносили государю правила, на которых основывался собор: царь медлил, наконец приказал пригласить на собор греков, бывших в Москве: Парфения, митрополита фивского, Кирилла, бывшего архиепископа андросского, Нектария, архиепископа паганиатского. Греки подтвердили приговор русских, и царь велел подкрепить этот приговор в Успенском соборе при себе и при боярах. Дело оканчивалось: решением собора уничтожались все притязания Пикона на сохранение прежнего значения, на право рукоположить нового патриарха: он терял архиерейство, терял священство! Но вот Епифаний Славеницкий, первый ученый авторитет тогда в Москве, подает протест. "Греки на соборе, - пишет он, - прочли из своей греческой книги выражение: "Безумно убо есть епископства отрещися, держати же священства" - и сказали, что это 16 правило первого и второго собора. Я думал, что это правда, не дерзнул прекословить и дал мое согласие на низвержение Никона, бывшего патриарха; но потом я стал искать и не нашел в правилах этого речения, вследствие чего беру назад свое согласие на низвержение Никона и каюсь. Ваше царское величество приказали мне составить соборное определение: я готов это сделать относительно избрания и поставления нового патриарха, потому что это праведно, благополучно и правильно; о низвержении же Никона не дерзаю писать, потому что не нашел такого правила, которое бы низвергало архиерея, оставившего свой престол, но архиерейства не отрекшегося".

Это письмо ученейшего старца остановило дело: выбрать нового патриарха? но что делать со старым, который не перестает предъявлять своих притязаний на высшую власть в церкви, который будет протестовать, что нового патриарха поставили незаконно, ибо без ведома и рукоположения старого, и протест этот даст повод сомневаться в законности нового, произведет соблазн и разделение в церкви, когда уже и без того было много соблазна и разделения? Притом же письмо Епифания показало, что собору московского духовенства и пришлых греков верить нельзя, что царь мог согрешить, приведши в исполнение приговор собора, чего Алексей Михайлович боялся больше всего. Он был в тяжком недоумении, тем более что Никон упорно стоял на своем. В то самое время, как в Москве собор рассуждал о Никоновом деле, в феврале 1660 года стольник Матвей Пушкин ехал к патриарху в Крестный монастырь с ласковыми словами от царя, имевшими целью выпросить у Никона письменное благословение на избрание нового

патриарха. "Ты патриарший престол изволил оставить, - говорил ему Пушкин, - в то время великий государь посылал к тебе князя Трубецкого не один раз, велел тебе говорить, чтоб ты на патриарший престол возвратился, ты отказал, не возвратился и великому государю благословение подал выбрать патриарха, кого он изволит. После того посланы к тебе думный дворянин Прокофий Елизаров и дьяк Алмаз Иванов, ты и им сказал те же речи, что на патриаршеском престоле вперед быть не хочешь: так ты бы о избрании патриарха на свое место благословение подал и к великому государю о том отписал". "Князь Алексей Никитич Трубецкой на патриаршество меня не зывал, - отвечал Никон, - он мне только в Москве в соборной церкви сказал, чтоб я возвратился. Елизаров меня на патриаршество не зывал, а только мне выговаривал; великому государю благословение мое всегда готово: невозможно рабу государя своего не благословлять; но патриарха поставить без меня я не благословляю: кому его без меня ставить и митру возложить, митру дали мне вселенские патриархи, митрополиту митры на патриарха положить невозможно, да и посох с патриархова места кому снять и новому патриарху дать? Я жив, и благодать св. духа со мною; оставил я престол, но архиерейства не оставлял; великому государю известно, что и патриаршеский сан, и омофор взял я с собою, а то у меня отложено давно, что в Москве на патриаршестве не быть. У вас все власти моего рукоположения: когда ставятся, в исповедании своем проклинаят они Григория Симвлака за то, что он при живом митрополите похитил святительский престол; да архиереи же обещаются на поставлении, что им другого патриарха не хотят: так как же им новоизбранного патриарха без меня ставить? Если же великий государь позволит мне быть в Москву, то я новоизбранного патриарха поставлю и, приняв от государя милостивое прощение, постясь с архиереями и подав всем благословение, пойду в монастырь. А которые монастыри я строил, тех бы великий государь отбирать у меня не велел, да указал бы от соборной церкви давать мне часть, чем мне быть сыту".

Требуя позволения приехать в Москву и права рукоположить нового патриарха для обеспечения своей власти и своего материального благосостояния, Никон в то же время не сомневался сравнивать себя с Афанасием, Василием Великим, с св. Филиппом-митрополитом. Из всех бояр один Зюзин находился в сношениях, в переписке с патриархом. "Мы прочли в письме вашем, что о нас жалеете, - писал ему Никон из Крестного монастыря, - но мы радуемся о покое своем и вовсе не опечалены. Добро архиерейство во всезаконии и в чести своей, надобно попечаловаться о всенародном последнем сбытии. Когда вера евангельская начала сиять, тогда и архиерейство почиталось, когда же злоба гордости распространилась, то и архиерейская честь изменилась. И здесь, в Москве, невинного патриарха отставили, Ермогена возвели при жизни старого: и сколько зла сделалось! Твоему благородию известно, что все архиереи нашего рукоположения, но не многие по благословию нашему служат господу; но неблагословенный чем разнится от отлученного: а нам первообразных много, вот их реестр: Иоанн Златоуст, Афанасий Великий, Василий Великий, из здешних Филипп-митрополит". По письму от 28 июня Зюзин мог действительно признать в Никоне страдальца, от которого враги хотят освободиться какими бы то ни было средствами. "Мне о себе другого, кроме болезней и скорбей многих, писать нечего, - так начинает Никон, - едва жив в болезнях своих: крутицкий митрополит да чудовский архимандрит прислали дьякона Феодосия со многим чаровством меня отравить, и он было отравил, едва господь помиловал; безумем камнем и индроговым песком отпилился; да иных со мною четырех старцев испортил, тем же, чем и я, отпилился и ныне вельми животом скорбен". К сентябрю преступники были уже в Москве; 5-го числа боярин князь Алексей Никитич Трубецкой, думный дворянин Прокофий Елизаров и думный дьяк Алмаз Иванов расспрашивали черного дьякона Феодосия да портного мастера Тимошку Гаврилова против обвинительной отписки патриарха Никона, Тимошка сказал, что он по научению Феодосия состав делал, жег муку пшеничную, волосы у себя из головы вырывал и в поту

валял, велел ему тот состав делать дьякон для с..... б..... и для привороту к себе мужеска пола и женска. Феодосий отрекся. На очной ставке Тимошка говорил то же и прибавил, что Феодосий одал патриарху повинную челобитную. Феодосий не винился, говорил, что повинную писал по научению и поневоле, за пристрастием поляка Николая Ольшевского, который бил его плетьюми девять раз. У пытки Тимошка повинился и с дьякона сговорил, объявил, что велел ему на дьякона говорить Савинского монастыря сотник Осип Михайлов, который теперь у патриарха; этот Михайлов вместе с Ольшевским пыткой заставляли его говорить на Феодосия, а состав делать учил его патриарший кузнец, осташковец Кузьма Иванов; то же повторил Тимошка и на пытке, Феодосий у пытки и на пытке говорил прежние речи, ни в чем не винился.

Это соблазнительное дело еще более усилило раздражение с обеих сторон. При таких-то обстоятельствах возвратился Никон из Крестного в Воскресенский монастырь, и тут в 1661 году завязалось у него новое соблазнительное дело с соседом по земле, окольным Романом Бабарыкиным. Никон бил челом государю, что Бабарыкин завладел землею Воскресенского монастыря, просил сыскать по крепостям. Указа на челобитную не последовало. Никон писал вторично, что если государевой милости не будет, то он станет сам себя оборонять. Угроза была исполнена: крестьяне Воскресенского монастыря, по приказанию патриарха, сжали рожь на спорных полях и отвезли в монастырь. Бабарыкин бил челом государю, и дело велено исследовать, взять крестьян Воскресенского монастыря к допросу. Никон вспыхнул и написал длинное письмо государю: "Начинается наше письмо к тебе словами, без которых никто из нас не смеет писать к вам; эти слова: "Бога молю и челом бью". Бога молю за вас по долгу и но заповеди блаженного Павла-апостола, который повелел прежде всего молиться за царя. И словом и делом исполняем свои обязанности к твоему благородию, но щедрот твоих ничем умолить не можем. Не как святители, даже не как рабы, но как рабочища отовсюду мы изобижены, отовсюду гонимы, отовсюду утесняемы. Видя святую церковь в гонении, послушав слова божия: аще гонят вы во граде, бегите во ин град, удалился я и водворился в пустыне, но и здесь не обрел покоя. Воистину сбылось ныне пророчество Иоанна Богослова о жене, которой родящееся чадо хотел пожрать змий, и восхищено было отроча на небо к богу, а жена бежала в пустыню, и низложен был на земле змий великий, змий древний. Богословы разумеют под женою церковь Божию, за которую страдаю теперь заповеди ради божия: болши сея любве никто же имать, да аще кто душу свою положит за други своя; и мы, видев братию нашу биенными, жаловались твоему благородию, но ничего не получили, кроме тщеты, укоризны и унижения: тогда удалились мы в место пусто. Но злоначальный змей нигде нас не оставляет в покое; теперь наветует на нас сосудом своим избранным, Романом Бабарыкиным, без правды завладевшим церковною землею. Молим вашу кротость престать от гнева и оставить ярость. Откуда ты такое дерзновение принял - сыскивать о нас и судить нас? Какие законы божии велят обладать нами, Божиими рабами? Не довольно ли тебе судить вправду людей царства мира сего? В наказе твоем написано новое повеление - взять крестьян Воскресенского монастыря: по каким это уставам? Послушай, господа ради, что было древле за такую дерзость над Египтом, над Содомом, над Навуходносором-царем? Изгнан был Богослов в Патмос: там благодати лучшей сподобился - благовестие написать и Апокалипсис; изгнан был Иоанн Златоуст и опять на свой престол возвратился; изгнан Филипп-митрополит, но паки стал против лица оскорбивших его; и что еще прибавим? Если этими напоминаниями не умилишься, то хотя бы и все писание предложил тебе, не поверишь. Еще ли твоему благородию надобно, да бегу, отрясая прах ног своих ко свидетельству в день судный? Великим государем больше не называюсь и какое тебе прекословие творю? Всем архиерейским рука твоя обладает: страшно молвить, но терпеть невозможно, какие слухи сюда доходят, что по твоему указу владык посвящают, архимандритов, игумнов, попов ставят и в ставленных грамотах пишут равночестна св. духу так: по благодати св. духа и по указу великого

государя: недостаточно св. духа посвятить без твоего указа! Но если кто на св. духа хулит, не имеет оставления: если это тебя не утратило, то что утратить может, когда уже недостойн сделался прощения по своему дерзновению? К тому же повсюду, по св. митрополиям, епископиям, монастырям, безо всякого совета и благословения, насилуем берешь нещадно вещи движимые и недвижимые и все законы св. отец и благочестивых царей и великих князей греческих и русских ни во что обратил, также отца своего, Михаила Федоровича, и собственные свои грамоты и уставы: уложенная книга хотя и по страсти написана многонародного ради смущения, но и там постановлено: в Монастырском приказе от всех чинов сидеть архимандритам, игумнам, протопопам, священникам и честным старцам; но ты все это упразднил: судят и насилуют мирские судьи, и сего ради собрал ты на себя в день судный велик собор вопиющих о неправдах твоих. Ты всем проповедуешь поститься, а теперь и неведомо кто не постится ради скудости хлебной; во многих местах и до смерти постятся, потому что есть нечего. Нет никого, кто бы был помилован: нищие, слепые, хромые, вдовы, чернецы и черницы - все данями обложены тяжкими, везде плач и сокрушение, везде стенание и воздыхание, нет никого веселящегося во дни сии. Хотим объявить нехитрую речью: 12 января 1661 года были мы у заутрени в церкви св. Воскресения; по прочтении первой кафизмы сел я на место и немного вздремнул: вдруг вижу себя в Москве, в соборной церкви Успения, полна церковь огня, стоят прежде умершие архиереи; Петр-митрополит встал из гроба, подошел к престолу и положил руку свою на Евангелие, то же сделали и все архиереи и я. И начал Петр говорить: брат Никон! говори царю, зачем он св. церковь преобидел, недвижимыми вещами, нами собранными, бесстрашно хотел завладеть, и не на пользу ему это: скажи ему, да возвратит взятое, ибо мног гнев божий навел на себя того ради: дважды мор был, сколько народа перемерло, и теперь не с кем ему стоять против врагов. Я отвечал: не послушает меня, хорошо, если б кто-нибудь из вас ему явился. Петр продолжал: судьбы божии не повелели этому быть, скажи ты; если тебя не послушает, то, если б кто из нас явился, и того не послушает, а вот знамение ему, смотри: по движению руки его я обратился на запад к царскому двору и вижу: стены церковной нет, дворец весь виден, и огонь, который был в церкви, собрался, устремился на царский двор, и тот запылал. "Если не уцеломудрится, приложатся больше первых казни божии", - говорил Петр; а другой седой муж сказал: "Вот теперь двор, который ты купил для церковников, царь хочет взять и сделать в нем гостиный двор мамоны ради своея; но не порадуется о своем прибытке". Все это было так, от бога, или мечтанием - не знаю, но только так было; если же кто подумает человечески, что я это сам собою замыслил, то сожжет меня оный огонь, который я видел".

Понятно, как тяжело должна была лечь эта грамота на сердце у царя, как обрадовались ей враги Никона, которым она дала возможность представить Алексею Михайловичу, что с Никоном нет возможности разделаться добром. В это время в Москве находился греческий архиерей Паисий Лигарид, митрополит газский, самый образованный, самый представительный из греческих духовных лиц, являвшихся в Москву, и потому приобретший здесь важное значение. Известный исправитель книг, монах Арсений, указал Никону на Паисия как на человека обширной учености и потому могущего быть очень полезным в Москве, и Никон, когда еще не оставлял патриаршества, в 1657 году, писал к государям молдавскому и волошскому, чтоб пропустили в Москву Лигарида чрез свои земли, а к самому ему писал: "Слышали мы о любомудрии твоем от монаха Арсения и что желаешь видеть нас, великого государя: и мы тебя, как чадо наше по духу возлюбленное, с любовью принять хотим". Приехавши в Москву в начале 1662 года под именем митрополита иерусалимского Предтечева монастыря, Лигарид был обласкан и царем, вследствие чего нашелся в затруднительном положении между царем и патриархом, одинаково к нему расположенными. Он сделал попытку помирить их и 12 июля 1662 года написал Никону мягкое письмо, уговаривая его возвратиться на

патриаршество, подчинившись преданиям восточной церкви, уступив царской власти. "Не знаю, куда мне обратиться, потому что никто не может работать двоим господам, - так откровенно начинает Лигарид свое письмо, - без ласкательства скажу: Алексей и Никон, самодержец и патриарх: один всякий день оказывает милости, другой молится и благословляет. Не благо многогосподствие, один господин да будет (из Гомера!) один царь, потому что и бог один, как и солнце одно между планетами. Знаю, что в своих поступках ты всегда имел добрую цель, но добрая цель должна достигаться и добрыми средствами. Блаженнейший! не всякий раб царский изображает царя, не всякий раб патриаршеский представляет патриарха. Имея важные причины, ушел ты с престола и отряс прах с ног своих на Москву за ее непокорство; но сказано: да не будет бегство ваше в субботу и зимою, во время крамол и браней. Какую пользу принесло твое гневливое отшествие?" Потом Лигарид распространяется о терпении царя. "Кто паче возблагоискустит добродетелию? Никон "покайтесь!" вопиет; самодержец Алексей общую песнь поет: претерпевый до конца, той спасется. Будь пастырем добрым, а не наемником! Вознеси вокруг очеса твоя и виждь чада твоя, отеческого руководства требующие. Послушайся моих слов, о золотая глава златорунные сея паствы! и соединишь с своими членами. Вредно для церкви, бедственно для государства, недостойно тебя пребывать вне престола. Становлюсь проповедником громогласным, потому что ревность моя не позволяет мне молчать. Все восклицают на тебя, все упокоиться от гнева наказуют; да замолкнут толки охотников до порицания, да исчезнут словоборения грызущих неистовых мужей! Смотри: четыре патриарха жаждут видеть конец ссоре. Иди и не отказывайся отдать кесарево кесареви, и какому кесарю? смиренномудрейшему! И тебе смириться подобает".

Не знаем ответа Никонова; можем догадываться, как отвечал Никон человеку, убеждавшему его смириться; знаем одно, что Паисий вскоре после этого перешел на сторону врагов Никона. Боярин Семен Лукьянович Стрешнев подал ему статьи, в которых излагалось поведение Никона, и требовал отзыва на них. 15 августа того же 1662 года Паисий представил ответы, все клонящиеся к осуждению патриарха. Стрешнев обвинял Никона в том, что он при поставлении своем на патриаршество переосвятился, хиротонисался снова, явно перед всеми; не позволил исповедовать и приобщать преступников; когда облачался, чесался и в зеркало смотрелся; после отречения посвящает священников и дьяконов; никогда не называл архиереев братьями, но почитал их гораздо ниже себя, потому что им были посвящены, Никон строит теперь по сие время монастырь, который назвал Новым Иерусалимом: хорошо ли, что имя св. града так перенесено, иному месту дано и опозорено? Никон разорил епископию Коломенскую для своего монастыря, говоря, что это было ближе епископство от Москвы и непригоже быть епископам под боком у патриарха; хорошо ли архиереям строить обозы и грады, потому что Никон полюбил жить на местах пустых и наполняет их наемниками и боярскими подданными? Никон говорит, что не обретается вне своего престола и епархии, только съехал по некоторым причинам, которые он объявит перед престолом истинного судии праведного. Паисий на все эти статьи отвечал осуждением поступков Никона. Были предложены и другие вопросы: 1) Может ли царь созвать собор на Никона, или надобно повеление патриаршеское? Царь может созвать собор по примеру римских кесарей, отвечал Паисий. 2) Собор, созванный царем, Никон почел за ничто и назвал сонмищем жидовским! Ответ: Его надобно как еретика проклинать. 3) Можно ли составам судить главу своего, начальника? Ответ. Все священники, как преемники апостолов, имеют власть вязать и решить. 4) Нарекся Никон великим государем, потому что так назвал его наш государь, желая почитать его более обыкновенного: согрешил ли Никон, что принял на себя такой высочайший титул? Ответ: Истинно согрешил. 5) Подобало ли Никону убегать страха ради? Ответ: Кто творит добрые дела, никогда не боится. 6) Согрешает ли государь, что оставляет во вдовстве церковь божию? Ответ: Если он это делает для

достойных причин, не имеет смертного греха; однако не свободен от меньшего греха, потому что многие соблазняются и думают, что он это делает по нерадению. 7) Архиереи и бояре, которые не бьют челом и не приводят царя к тому, чтоб дал по этому делу решительный указ, грешат ли? Ответ: И очень грешат. 8) Никон проклинает: важно ли его проклятие? Ответ: Клятва подобна молнии, сожжет виновного; если же произнесена не по достоинству, то падает на того, кто произнес ее. 9) Прилично ли архиерею драться и в ссылку ссылать! все это делает Никон. Ответ: Терпение есть высшая добродетель, гнев - худшее зло. 10) Тишайший государь и всесчастливый царь поручил Никону надзор над судами церковными, дал ему много привилегий, подобно Константину Великому, давшему привилегии папе Сильвестру. Ответ: Надобно принимать почести от царя осторожно; полезнее было бы Никону иметь меньше привилегий, потому что иные надмили его, смотрелся он в них как в зеркало, и случилось с ним то же, что пишут виршописцы о Нарциссе, который в речной воде смотрел на свое лице, хотел поцеловать и утонул. 11) Можно ли государю отобрать привилегии? Ответ: Можно, если тот, кому дано, дурно пользуется ими. 12) Никон бранит Монастырский приказ, где посадил царь судить мирских людей, порицает царя за то, что назначает по монастырям архимандритов и игуменов, кого захочет. Ответ: Пусть прежде не было Монастырского приказа: дело в том, что царь учредил его для лучшего порядка и лучшего суда. Устроил ли Никон лучший суд? Сидел ли когда-нибудь на своем судейском месте? Никогда, но держал мирских же людей, которые судили в его приказах, челобитные раздавал своим дворовым людям, и они прямое делали кривым. 13) Кто называет царя нашего мучителем, обидчиком, хищником, что тому подобает по св. правилам? Ответ: Если он духовного чина, да извержется. 14) Никон оправдывается тем, зачем его не позвали на собор, где бы он объявил причины своего ухода? Ответ: Никон должен был сам явиться на собор или прислать письмо. 15) Никон винит архиереев своих, что не сдержали присяги своей, данной перед ним, но отверглись его, вышли из послушания к нему. Ответ: Обещание не присяга; архиереи не присягают; обещали они послушание в делах, которые справедливы. 16) Проклял Никон боярина Семена Лукьяновича Стрешнева, будто тот выучил собаку свою благословлять подобно патриарху: достойно ли проклинать за это? Ответ: Если бы мышь взяла освященный хлеб, нельзя сказать, что причастилась: так и благословение собаки не есть благословение; шутить святыми делами не подобает; но в малых делах недостойно проклятия, потому что считают его за ничто.

Никону доставили вопросы и ответы; с обычным своим пылом он принялся писать возражения, исписал большую тетрадь. Ему легко было опровергнуть обвинения в присвоении титула великого государя, в названии Воскресенского монастыря Новым Иерусалимом. "Какого еще другого толку ищешь ты, вопрошатель, - обращается он к Стрешневу, - когда сам свидетельствуешь, что царь назвал меня великим государем? На нем господь бог и възыщет и рассудит в день судный по его рукописным грамотам. Он же был в Воскресенском монастыре на освящении церкви, ему захотелось называть монастырь Новым Иерусалимом, и в своих грамотах написал собственною рукою на утверждение". Легко опровергает Никон и упрек относительно присоединения Коломенской епархии к патриархии: "Вы говорите, что я разорил Коломенскую епископию. Епископия эта лежит подле патриаршеской области, а земля Вятская и Великопермская отстоит больше 1500 верст, страна обширная, и людей множество, не мало там остатков языческих обычаев, а говорят, что даже сохранилось и идолопоклонство. На этом основании, по совету с великим государем, Коломна присоединена к Москве, а вместо нее учреждена епархия Вятская и Великопермская, а не для Воскресенского монастыря: еще в то время и зачатков Воскресенского монастыря не было; сколько было доходов у Коломенской епископии, столько же дано и туда из патриаршей епархии; какое число крестьянских дворов было в епископии, столько же и там дано, а коломенские деревни взяты на государя; а после государь пожаловал их в

Воскресенский монастырь, будучи на освящении церковном, говоря: святая святым достойна; а не я взял или разорил". Мы видели, что в числе обвинений Никону были крутые поступки его, побои, ссылки; он отвечает на это обвинение: "И теперь не отказываемся так поступать с врагами и бесстрашными людьми по образу Христову, по правилу св. апостол и ев, отец". Но всего более рассердило Никона утверждение Стрешнева, что всесчастливый царь поручил ему надзор над судами церковными и дал много привилегий; тут Никон высказал свой взгляд на отношения царской власти к патриаршеской, - взгляд, который никак не сходился с преданиями восточной церкви, утвержденными в России историей: "Про всесчастливство царское отвечать нам не нужно, знают все счастье и несчастье царское, какую каждый благодать принял от его царского счастья; ты говоришь, что он нам поручил надзор над всякими судами церковными; это скверная хула и превосходит гордость денницы: не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство помазуются; явлено много раз, что священство выше царства. Какими привилегиями подарил нас царь? Привилегиею вязать и решить? Мы другого законоположника себе не знаем, кроме Христа. Не давал он нам прав, а похитил паши права, как ты свидетельствуешь, и все дела его незаконные. Какие же его дела! Церковию обладает, священными вещами богатится и питается, славится в них, ибо митрополиты, архиепископы, священники и все причетники покоряются, работают, оброки дают, воюют, судом, пошлинами владеет. Господь бог всеильный, когда небо и землю сотворил, тогда двум светилам, солнцу и месяцу, светить повелел и чрез них показал нам власть архиерейскую и царскую: архиерейская власть сияет днем, власть эта над душами; царская в вещах мира сего, меч царский должен быть готов на неприятелей веры православной; архиерейство и все духовенство требует, чтоб их обороняли от всякой неправды и насилий, это мирские люди делать обязаны; мирские нуждаются в духовных для душевного избавления; духовные нуждаются в мирских для обороны внешней; в этом власть духовная и мирская друг друга не выше, но каждая происходит от бога". Наконец, так как Паисий объявил, что духовное лицо за порицание царя достойно низвержения, то Никон отвечает: "Досаждать царю всем запрещено, но обличать по правде не возбранено. Уже собран мног лик злопострадавших у господина обличения ради неподобных дел царских, злыми смертями и муками скончавшихся".

В декабре 1662 года, говорит официальное известие, царь Алексей Михайлович, слушая всеночную в Успенском соборе на праздник Петра-митрополита, пришел в умиление, что соборная церковь вдовствует без пастыря уже пятый год, патриарх Никон о вдовстве ее не радит, ушел и живет в новопостроенных им монастырях, церковная служба отправляется несогласно, а патриарх проклинает митрополита Питирима Сарского и других без собора и безо всякого испытания и другое подобное тому творит. Поэтому великий государь изволил созвать собор и писать ко вселенским патриархам, чтоб они или кто-нибудь из них изволил прибыть в Москву, а ко всем преосвященным государь велел написать, чтоб они приехали на собор из дальних городов к 25 марта, а из ближних к 9 мая: немедленно же должен был явиться в Москву рязанский архиепископ Иларион для собрания к тому собору "всяких вин", и с ним вместе у этого дела велено быть боярину Петру Михайловичу Салтыкову, думному дворянину Елизарову и дьяку Голосову. Они должны были собрать сведения: сколько Никон во время своего патриаршества взял из Успенского собора образов и всякой церковной утвари с распискою и без расписки; сколько взял из домовою казны денег, хлеба, лошадей, поехавши из Москвы; сколько при нем было выходов книг печатных и каких, и одних книг выход с выходом во всем ли сходны были, и в чем разница, старые печатные книги и рукописи и с греческих присыльных книг переводы, с которых новые книги печатаны, все ли целы на печатном дворе, или некоторых нет и где они; из монастырей взять сведения, сколько чего из них взял Никон; у старца Арсения Суханова отобрать сведение, сколько он купил книг в Палестине, каких, сколько заплатил за них денег и кому книги отданы. В том же декабре иеродиакон грек

Мелетий, бывший в Москве для устройства певческого дела, друг Лигарида, отправлен был к восточным патриархам с приглашением прибыть в Москву: "Любве ради всех содетеля, подражая того смиренню, печалующую мать нашу присетити подвигнася, болезнующую родительницу нашу, яко врач духовный, искусный сего художества, исцелити понудися, и в царствующий наш град приити к нам самолично потщися, и матери нашея св. церкви дряхлование, яко светило некое, от высоты разума твоего исходящим рассуждением, вспомогаем вышнего силою, просветиши".

Между тем бабарыкинское дело продолжалось: полюбовная сделка, на которую соглашался Никон, не состоялась, потому что Бабарыкин, по свидетельству патриарха, потребовал слишком много вознаграждения за свои убытки. Никон показывал, что сжато ржи только 67 четвертей, а Бабарыкин утверждал, что 600 четвертей. "На ложное твое челобитие денег не напасть и не откупиться и всем монастырем!" - сказал Никон и порвал сделку, после чего прибегнул к обычному своему средству против врагов - к проклятию. Но Бабарыкин донес, что Никон проклинает царя и семейство его. Алексей Михайлович призвал архиереев и сказал: "Я грешен; но чем согрешили дети мои, царица и весь двор? Зачем над ними произносить клятву истребления?" Решили, что надобно разыскать дело, и отправили в Воскресенский монастырь боярина князя Никиту Ивановича Одоевского, окольного Родиона Стрешнева, дьяка Алмаза Иванова; из духовных поехали: Лигарид, астраханский архиепископ Иосиф и богоявленский архимандрит. 18 июля 1663 года приехали они в Воскресенский монастырь; патриарх был у вечерни; Одоевский послал сказать ему о приезде посланных царских, и все собирались идти к нему вместе; но Никон прислал сказать, чтоб приходили все, кроме Паисия, если только он не имеет к нему грамоты от вселенских патриархов. Несмотря на то, Паисий отправился и хотел было первый говорить, но Никон, увидав его, вышел из себя, и бранные речи полились на Лигарида: "Вор, нехристь, собака, самоставленник, мужик! Давно ли на тебе архиерейское платье? Есть ли у тебя от вселенских патриархов ко мне грамоты? Не в первый раз тебе ездить по государствам и мутить! И здесь хочешь сделать то же!" Заговорил Иосиф астраханский; Никон бросился на него: "Помнишь ли ты, бедный, свое обещание? Обещался ты и царя не слушать, а теперь говоришь! Разве тебе, бедному, дали что-нибудь? Я тебя слушать и говорить стобюю не стану". Духовные были отделаны: дошла очередь до светских. Одоевский начал говорить: "Митрополита, архиепископа и архимандрита выбрали освященным собором и о том докладывали великому государю, а ты их бесчестишь; этим бесчестьем и великому государю досаждения много приносишь; а газский митрополит приехал к великому государю, и грамоту с ним прислал к царскому величеству иерусалимский патриарх". Паисий оправился и начал: "Ты, патриарх, меня вором, собакою и самоставленником называешь напрасно; я послан к тебе выговаривать твои неистовства, послан от освященного собора, с доклада великому государю; ты бесчестишь не меня, а великого государя и весь освященный собор; я отпишу об этом к вселенским патриархам; а что ты называешь меня самоставленником, за это месть примешь от бога: я поставлен иерусалимским патриархом Паисием, и ставленная грамота за его рукою у меня есть; если бы ты был на своем патриаршеском престоле, то я бы тебе свою ставленную грамоту показал; а теперь ты не патриарх, достоинство свое и престол самовольно оставил, а другого патриарха на Москве нет, потому и грамоты от вселенских патриархов к московскому патриарху со мною нет". Масло было подлито в огонь, тронута самое чувствительное место. "Я с тобою, вором, ни о чем говорить не стану!" - закричал Никон. Тут Иосиф и светские посланные решились прямо приступить к делу и спросили его, на основании извета Бабарыкина: "Для чего ты на молебнах жалованную государеву грамоту приносил, клал под крест и под образ богородицы, читать ее приказывал и, выбирая из псалмов, клятвенные слова говорил?" "26 июня, - отвечал Никон, - на литургии, после заамвонной молитвы, со всем собором я служил молебен, государеву жалованную грамоту прочитав велел, под крест и под образ

богородицы клал, а клятву износил на обидящего, на Романа Бабарыкина, а не на великого государя, а за великого государя на ектеньях бога молил". Но посланные не удовлетворились этим объяснением. "Хотя бы тебе, - говорили они, - от Бабарыкина или от другого кого-нибудь какая обида и была, и тебе их проклинать не довелось, а в государевой жалованной грамоте Бабарыкинской земли не написано; скажи правду: для чего ты государеву грамоту в церковь приносил, под образ клал и на кого клятвы произносил?" "Проклинал я Бабарыкина, а не великого государя, - повторил Никон, - если я проклинал великого государя, то будь я анафема: приносил я в церковь государеву грамоту потому, что в ней написаны все земли Воскресенского монастыря, а Бабарыкинская вотчина записана в Поместном приказе по государеву же указу; а за великого государя я на молебне бога молил, а после молебна читал над грамотою молитву". Тут Никон пошел в заднюю комнату и вынес тетрадку. "Вот какую молитву, - сказал он, - читал я над грамотою" - и начал было читать: но посланные прервали его. "Вольно тебе, - сказали они, - показывать нам другую молитву; на молебне ты говорил из псалмов клятвенные слова и в том и сам не запирался, что такие псалмы на молебне говорил". Это могло вывести из терпения и человека более хладнокровного, чем Никон; если говорилось с тем, чтоб раздражить его, заставить выйти из себя и наказать вредных для себя вещей, то цель была достигнута. "Хотя бы я и к лицу великого государя говорил, - закричал Никон, - так что ж! Я за такие обиды и теперь стану молиться: приложи, господи, зла славным земли!" "Как ты забыл премногую государеву милость, - отвечали посланные, - великий государь почитал тебя больше прежних патриархов, а ты не боишься суда праведного божия, такие непристойные речи про государя говоришь! Какие тебе от великого государя обиды?" "Он закона божия не исполняет, - продолжал Никон, - в духовные дела и в святительские суды вступается, делают всякие дела в Монастырском приказе и служить нас заставляют". "Царское величество, государь благочестивый, - отвечали посланные, - закон божий хранит, в духовные дела и святительские суды не вступается; а Монастырский приказ учрежден при прежних государях и патриархах, а не вновь, учрежден для расправы мирских обидных дел; а даточных людей и поборы с монастырских крестьян берут для избавления православных христиан от нашествия иноплемennых, а не для прибыли и корысти; а неправды всякие начал делать ты, будучи на патриаршестве, начал вступаться во всякие царственные дела и в градские суды, начал писаться великим государем, памяти указные в приказы от себя посылал, дела всякие, без повеления государева, из приказов брал и стал многих людей обижать, вотчины отнимать, людей и крестьян беглых принимать; великому государю на тебя было много челобитья, что ты делал не по-архиерейски, противно преданию св. отец: за такие обиды бог тебе не потерпел; возгордившись пред великим государем, ты престол свой патриаршеский самовольно оставил и, живя в монастыре, гордости своей не покинул и делаешь такие злые дела, чего тебе и помыслить не годилось; повелению великого государя и всему освященному собору во всем противишься и делаешь все по своему праву". Никон не стал отвечать светским посланным, но обратился к духовным: "Какой у вас теперь собор и кто приказывал вам его сзывать?" "Этот собор, - отвечали духовные, - мы созвали по приказанию великого государя, для твоего неистовства: а тебе до этого собора дела нет, потому что ты достоинство свое патриаршеское оставил". "Я достоинства своего патриаршеского не оставляю", - сказал Никон. "Как не оставляю? - начали все вместе, и светские и духовные. - А это разве не твое письмо, где ты пишешь, что не возвратишься на патриаршество, как пес на свою блевотину? Разве не ты сам писался бывшим патриархом? И после этого годится ли тебе называться патриархом?" Опять затронули самое чувствительное место. "Я и теперь государю не патриарх!" - закричал Никон с сердцем. Иосиф с товарищами продолжали вонзать оружие все глубже и глубже: "По самовольному с патриаршеского престола удалению и по нынешним неистовствам ты и всем нам не патриарх; достоин ты за свои неистовства ссылки и подначальства крепкого, потому что великому государю делаешь многие досады и в мире смуту". Никон вышел из

себя. "Вы пришли на меня, как жида на Христа!" - закричал он. Долго он шумел; посланные не говорили ни слова и отправились; Одоевский, уходя, сказал Никону: "Пришли к нам к допросу архимандрита, наместника, попов и дьяконов, которые с тобою служили, да пришли крестника своего и других иноземцев". "Не пришло я из своих никого под мирской суд, - отвечал Никон, - кто вам надобен, берите его сами!" Упомянутые лица вызваны были на гостиный двор, где Иосиф с товарищами расспрашивали архимандрита и наместника по священству и по иноческому обещанию насчет извета Бабарыкина; единогласный ответ был, что на ектениях патриарх за государя бога молил, а псалмы к какому лицу читал, того они не знают, Никон не называл это лицо по имени. Посланные, отправив допросные речи к государю, писали ему: "Про уход свой из монастыря патриарх не говорил ни слова, и мы потому на монастыре караула поставить не смели до твоего государева указа". Потом они взяли под стражу крестника Никонова, немца Долмана, и белорусца Николая. Но автор жития Никонова, Шушера, и Паисий Лигарид, смотревшие на дело совершенно разными глазами, сходятся в том, что Никону закрыт был выход из монастыря: Шушера пишет, что около монастыря была расставлена стрелецкая стража и Никону прямо объявили, что его не выпустят до государева указа; по словам же Лигарида, Никон бежал, был схвачен и лишен свободы. Посланные оставались в монастыре довольно долго, и тут происходили разные сцены. Однажды в воскресенье Никон вошел на возвышение, представлявшее Голгофу, и начал говорить: "Вот уже пришла воинская спира, Ирод и Пилат явились в суд, приблизились архиереи - Анна и Каиафа!" Одоевский и архиереи пришли опять допрашивать Никона по Бабарыкинскому извету. "Дайте мне только дождаться собора, - отвечал им Никон, - я великого государя оточту от христианства, уже у меня и грамота заготовлена". "Ты забыл страх божий, что говоришь такие неподобные речи! - кричали посланные царские. - За такие твои непристойные речи поразит тебя бог; нам такие злые речи и слышать страшно; только бы ты был не такого чина, то мы бы тебя живого не отпустили".

Когда Одоевский и Паисий дали знать государю о происходивших у них с Никоном разговорах, созвана была дума из духовных и светских особ, долго рассуждали и решили написать соборное письмо, которое и отправлено было к Паисию в Воскресенский монастырь: по этому соборному письму газский митрополит должен был говорить Никону о его неправдах и о его неправой клятве, и если бывший патриарх Никон против соборного письма в речах своих подательства никакого не покажет и на добро ни в чем не склонится и станет говорить дерзко по-прежнему, то князь Одоевский с товарищами должны сказать ему с большим выговором, что если он, забыв страх божий и не памятуя воздаяния на Страшном суде, от своей дерзости не уймется, то великий государь предаст его суду великого бога; да сказать ему, что великий государь приказал оставить у Воскресенского монастыря отряд московских стрельцов, а савинских стрельцов отпустить в Савин монастырь, потому что посланы они были в Воскресенский монастырь для всякого обереганья, а они вместо того плутовали, перед ним, бывшим патриархом, ходили с батожками, как бывает чин перед великим государем. Но когда Паисий хотел говорить по соборному письму, то Никон сказал, что речей его слушать не станет, потому что он неведомо какой митрополит, и называл его врагом Божиим и ссорщиком, а по правилам таких слушать не велено. Начались опять упреки и перебранки. Когда Никону объявили, что он не должен выходить из монастыря до собора, то он сказал: "Где разделится дом надвое, запустеет". Ему отвечали, что разделение произошло от него, а не от кого другого. "Для чего ты ввел в мир великий соблазн, выдал три служебника, и во всех рознь, и в церквах оттого несогласие большое?" - спрашивали Никона Паисий с Одоевским. "Теперь поют кто как хочет, - отвечал Никон, - и все это делается от непослушания; а если я в книгах речи переменял, то переправлял я по письму и свидетельству вселенских патриархов". У Паисия была важная улика против Никона: "Ты ко мне прислал выписку из правил, и в ней написано о папском суде; но ведь это написано в правилах потому, что

в то время папы были благочестивые, а после того отпали, и ты не прибавил, что после них вышний суд предан вселенским патриархам?" Что же отвечал Никон? "Папу за доброе отчего не почитать? Там верховные апостолы Петр и Павел, а он у них служит". "Но ведь папу на соборах проклинаем!" - возразил Паисий. "Это я знаю, - отвечал Никон, - знаю, что папа много дурного делает".

Одоевский и Паисий с товарищами наконец уехали из Воскресенского монастыря. Три месяца прошло покойно; в начале ноября Никон дал о себе весть, прислал грамоту к государю от своего имени, также и от имени архимандрита Воскресенского монастыря Герасима и наместника Иова: "Пришли вести, что польские и литовские люди идут в твои государевы города и стоят недалеко от Вязьмы, пойдут и дальше; а мы живем на пустом месте, прискудали до конца, хлеба и денег нет! Милосердый великий государь! Выдай милостивый свой указ, чем нам пропитаться и защититься на пустом месте. Помяни святое слово, как присылал ясельничего своего Афанасия Ивановича Матюшкина и он говорил пред Христовым святым образом много раз: великий государь тебе велел сказать, что не покинет тебя вовеки. А когда в прошлых годах объявили о татарском приходе и я был на Москве, то думный дьяк Алмаз Иванов сказывал мне твоим государевым словом: ступай, живи в своих монастырях, а великий государь тебя не покинет, велит уберечь. Когда ты, великий государь, был на освящении церкви в Воскресенском монастыре и я тебе говорил, что место хорошо, да строить нечем, то ты дал слово свое: строй, а мы не покинем. Вспомнивши все это, обратись на милость! А что тебе лихие люди клеветуют на меня, ей-лгут; а я ныне за твоим государевым словом хотя и умереть рад здесь; если не помнишь слова и обещания своего, то на тебе бог взыщет, а мне смерть - покой, пописаному". Письмо это прислал Никон к Ртищеву с просьбою, чтоб отдал его государю; к самому Ртищеву Никон писал: "Пишем, надеясь на твое незлобие и вспомнив, как ты здесь был, после отъезда нашего из Москвы, и слово свое дал быть нашим братом и строить о всяких монастырских нуждах; да и в прошлом 1662 году, как ты присылал брата своего, Федора Соковнина, а в другой раз Порфирья, то приказывал, чтоб нам тебя иметь в любви своей, как прежде".

Но мягкие грамоты опоздали: мы видели, что иеродиакон грек Мелетий отправился к восточным патриархам; он повез следующие вопросы: "Должен ли местный епископ или патриарх повиноваться царю во всех светских (политических, kata pasas tas politikas urotheseis kai kriseis) делах, чтоб быть одному правителю, или нет? Может ли епископ или патриарх отлучать кого-нибудь по собственному произволу и будут ли отлученные таким образом в самом деле виновны пред богом, или тот, кто отлучил без суда, повинен правилам? Если кто скажет, что епархии патриаршеские пленены бусурманами, находятся под игом, потеряли древнюю честь и прежнее достоинство, и как патриархам судить и распоряжаться церковными делами? Если кто из архиереев, по гордости, начнет писаться государем? Может ли архиерей тратить доходы свои по произволу, строить монастыри, населять пустынные места? Может ли епископ или патриарх управлять мирскими делами? Епископ, нисшедший в число кающихся, может ли опять воспринять сан архиерейский? Может ли архиерей, отрекшийся от своего сана, свергнувший с себя одежды архиерейские, опять принять прежний сан? Если случится, что после этого отречения отрекшийся будет призываем местною властью, но, по гордости, пренебрежет этим зовом и не возвратится, то что делать в таком случае? Если после отречения отрекшийся снова станет хиротонисать? Могут ли судить митрополита или патриарха епископы, от него поставленные? Если кто ударит раба архиерейского, то обида эта относится ли к господину и может ли последний один судить такое дело или должен отнестись к суду мирскому?"

Патриархи дали ответы, желанные в Москве: они осудили все изложенные в вопросах поступки: за некоторые из них прямо произнесли приговор низвержения виновному архиерею; провозгласили, что царь должен быть единственным владыкою во всех светских делах, патриарх должен ему быть подчинен и в светских делах не должен делать ничего противного царскому решению, а в делах церковных не должен переменять древних уставов; определили, что ни епископ, ни патриарх не должен никого отлучать от причастия прежде объявления вины; на патриарха может быть подана жалоба к престолу константинопольскому, и если остальные патриархи согласятся с константинопольским, то уже это решение верховное; это право верховного суда дано римскому папе, но так как последний, но гордости и злонамеренности своей, отлучен от католической церкви, то означенное право перенесено к патриарху византийскому; если бы патриархи и были совлечены славы своих престолов, но благодать духа святого никогда не стареет, и, кто не приемлет их верховного суда, тот подлежит наказанию, как противящийся божию изволению, повинующийся только чувствам и ничего высшего не разумеющий. Патриархи утвердили за поместным собором право ставить другого архиерея на место отрекшегося, право епископов судить митрополита или патриарха, их поставившего.

Патриархи прислали грамоты, но сами не поехали. Притом у Никона была сильная сторона между греками, которая с южною страстностью начала волноваться, узнав о приезде Мелетия, начала употреблять все средства, чтоб помешать ему. От приверженных к Никону греков из Москвы пошли письма в Константинополь, что Никон - это второй Златоуст, царь его любит, ночью приходил к нему для беседы, но бояре ненавидят за то, что он уговаривает царя выйти на войну против татар, пленящих москвичей и козаков, а боярам не хочется выступать в поход и расстаться с покойным житьем московским; писали, что Никон любит греков и ревностный защитник догматов восточной церкви; писали, что грамоты, привезенные Мелетием, сочинены Лигаридом, которого бояре подкупили деньгами и почестями; что Мелетию дано 8000 золотых, с помощью которых он и успел в том, что ответы даны были против Никона. Антиохийский архимандрит высказал все это пред самим патриархом и потом ходил и кричал по всему Константинополю, ища Мелетия; еще сильнее волновал константинопольских греков какой-то клирик Михаил, получивший от зятя своего Анастасия из Москвы письмо о 8000 золотых, привезенных Мелетием, а Мелетий, с своей стороны, писал Лигариду, что какой-то Еммануил Маивал тайно обещал двоим патриархам 15000 золотых, чтоб только не давали ответов, осуждавших Никона, и не успев в этом, искал убить Мелетия. Письма, что Никон страдает за увещания к войне против татар, опустошающих Великую и Малую Россию, должны были производить особенное впечатление на константинопольских греков: к их городу ежедневно приставали по три и по четыре корабля, наполненные русскими пленниками; на торговых площадях стояли священники, девицы, монахи, юноши; толпами отвозили их в Египет на продажу; некоторые добровольно отрекались от христианства, другие принуждаемы были к тому насильем.

Приверженцы Никона не довольствовались тем, что возбуждали константинопольских греков против Мелетия: они решились употребить отчаянное средство в самой Москве: Государю дали знать, что приехал иконийский митрополит Афанасий в звании экзарха, племянник он константинопольскому патриарху, прислан от него и от всего собора. На представлении царю Афанасий начал говорить с необыкновенной торжественностью: "Прислали меня константинопольский патриарх и весь собор, велели сказать: как господь бог пришел к ученикам своим дверям затворенным и сказал: мир вам! так я от имени константинопольского патриарха и всего собора говорю тебе, государь: помирись с Никоном-патриархом и призови его на престол по-прежнему", Алексею Михайловичу показалось странным, что этот проповедник мира прислан без грамоты и велит на словах призвать Никона. "Знаешь ли ты о посольстве Мелетия?" - спросил государь у Афанасия.

"Знаю, - отвечал тот, - патриархи Мелетия не приняли, твоих грамот и милостыни не взяли". "Как же это так? - продолжал царь. - Мелетий писал мне совершенно иное!" Афанасий, стоя перед Спасовым образом, объявил, что Мелетий писал ложно. Но вот 30 мая 1664 года приехал Мелетий и привез ответы, подписанные патриархами; царь созвал собор из русского и греческого духовенства для свидетельствования подписей; собор объявил, что подписи настоящие; один Афанасий сначала отвергал подлинность их, но потом и он согласился, что подписи подлинные. После открылось, почему он решился так смело обличать Мелетия во лжи: он спрашивал иерусалимского патриарха Нектария, как порешили с Никоновым делом? И тот, из осторожности, сказал ему, что они Мелетию никакого ответа не дали и рук своих ни к какой грамоте не прикладывали.

Как бы то ни было, царь не был успокоен: патриархи могли подписать ответы и в то же время просить, чтоб соблазнительное дело было оставлено, чтоб последовало примирение с Никоном; действовать против Никона на основании ответов, присланных патриархами, царь не решился: он знал, с кем имеет дело, знал, как Никон начнет громить собор, опирающийся на мертвых грамотах, недавно еще бывших предметом спора и в которых не было даже упомянуто имени Никонова. Чтоб окончательно уничтожить смуту и успокоить свою совесть, ему нужно было присутствие самих патриархов, тем более что при сильно разыгравшейся борьбе сторон трудно было полагаться на чистоту средств, употреблявшихся при этих отдаленных сношениях и переговорах с патриархами. Ложное посольство Афанасия иконийского не было единственным. К византийскому патриарху Дионисию отправился монах Савва. "Агие деспота! - говорил он Дионисию. - Царь Алексей Михайлович молит тебя, приди в Москву, благослови дом его и разные нужные вещи исправь, реши, что сделать царю? Умолять ли Никона-патриарха, чтоб возвратился, или другого поставить? Да иконийский митрополит Афанасий от тебя ли прислан и родственник ли тебе? Приказывал ли ты ему словесно, чтоб умолять Никона о возвращении? С Мелетием-дьяконом сколько грамот ты прислал? Стефан Грек был ли у тебя, и послал ли ты с ним грамоту, что митрополиту газскому быть экзархом?" "Ехать в Москву никак не могу, - отвечал Дионисий, - благословляю государя, чтоб он или простил Никона, или другого поставил, смиренного и кроткого; если он боится другого поставить, то мы принимаем грех на свои головы; царь - самодержец: все ему возможно. Мелетий приезжал сюда не смиренно, все турки об нем узнали, и сделал мне убытку на 200 мешков. Иконийский митрополит Афанасий мне не родня; на нем был турецкий долг, он упросил срока на неделю да и ушел, а я с ним ни одного слова не приказывал, пусть держат его крепко и отнюдь не отпускают; если царь его отпустит, то большую беду церкви сделает. Как Мелетий-дьякон приходил, то мы с Нектарием-патриархом написали две грамоты слово в слово и руки свои приложили и одну послали с Мелетием в Александрию, а другую Нектарий послал с своим колугером в Антиохию. Стефан Грек у меня не был, только артофилаксий докучал мне, чтоб я написал в грамоте быть газскому экзархом; но я ему этого не позволил, и если такая грамота объявилась у царя, то это плевелы, посеянные артофилаксием; а Паисий Лигарид - лоза не константинопольского престола, я его православным не называю, ибо слышу от многих, что он папешник, лукавый человек. Стефана Грека не отпускайте ж потому, что и он великое разорение церкви православной сделал, как и Афанасий иконийский".

Решительнее в пользу Никона отозвался иерусалимский патриарх Нектарий: в марте 1664 года он отправил в Москву посланца своего Савелия с двумя грамотами, к царю и Никону, с наказом, кроме них, не отдавать этих грамот никому. В грамоте к царю Нектарий увещевал призвать снова Никона на патриарший престол, показав ему присланные с Мелетием статьи вселенских патриархов, как руководство для его будущего поведения, и если он обещает руководствоваться ими, то достоин прощения; просил царя не приклонять уха к советам людей завистливых, любящих смуты, особенно если такие

будут из духовенства. "В настоящем положении нашем, - пишет Нектарий, - когда наша церковь находится под игом рабства, мы уподобляемся кораблям, потопляемым беспрестанными бурями, и в одной вашей русской церкви видим ковчег Ноев". Нектарий увещевает царя последовать кротости Давидовой и не полагать во время своего царствования злого и гибельного начала сменять патриархов, правомыслящих о догматах веры; говорит, что нельзя обращать большого внимания на отречение Никона: указывает примеры, когда отречения иерархов были уничтожаемы; что же касается до Никона, то он не подал даже письменного отречения, царь и народ не принимали этого отречения, которое состоит только в словах. Нектарий заключает, что непременно должно или возвратить Никона, или возвести на его место другого, но гораздо лучше решиться на первое. Нектарию дано было знать, что Лигарид ищет титула экзарха патриаршеского и уже называется так в Москве; поэтому патриарх наказал своему посланному объявить в Москве, что это самозванство, что никто не облечен званием экзарха; Нектарий просил также, чтоб никого не принимали в качестве послов патриаршеских, если на грамотах не будет патриаршеской печати; переводить грамоты патриаршеские просит отдавать не грекам, но царским переводчикам, потому что греки искажают смысл грамот. Савелий объявил также: "Я слышал от патриарха, что, кроме Никона, на престоле другому никому быть нельзя, потому что вины его никакой нет".

Но еще до получения грамоты Нектария тот же Мелетий отправился опять на Восток с таким наказом от царя: "Непременно так сделать, чтоб александрийский, антиохийский, иерусалимский и бывший Паисий, а по нужде два, антиохийский и иерусалимский, приехали бы, а которые захотят прислать вместо себя, то говорить накрепко, чтоб прислали архиереев добрых, ученых, благоразумных, однословных, крепких, правдивых, могущих рассудить дело божие вправду, не желая мзды и ласкания, не бояся никакого страха, кроме страха суда божия. И ты, Мелетий, будучи у вселенских патриархов, памятуя страх божий, про патриарха Никона никаких лишних слов не говори, кроме правды".

Мелетий в январе 1665 года нашел Нектария иерусалимского в Молдавии: сам не поехал к нему, но послал с государевою грамотою Стефана Грека и подьячего Оловенинова. "Великий государь, - говорили они Нектарию, - просит и молит тебя, чтоб изволил потрудиться для христианского дела, пошел в Московское государство". "От великого государя, - отвечал Нектарий, - прислан был ко всем нам Мелетий Грек, и он знает, что я именно за тем и приехал в Молдавскую землю, чтоб отсюда идти в Москву, но за войною мне никак нельзя было проехать. С Мелетием мы послали к великому государю правила, и по ним для чего до сих пор ничего не сделано?" Оловенинов рассказал о приезде Афанасия иконийского, о свидетельствовании подписей, и когда Нектарий вторично спросил, почему же ничего не сделано по правилам, подлинность которых была засвидетельствована, то Оловенинов отвечал: "Без вселенского патриарха призывать Никона и другого на его место ставить невозможно; да у великого государя и другие дела есть, которых без вас никак устроить нельзя, весь церковный чин в несогласии, в церквях служит всякий по-своему, а пастыря нет". Узнавши, что во время отъезда Оловенинова государь еще не получил грамоты, отправленной с Савелием, патриарх очень горевал. "Если б моя грамота до государя дошла, - говорил он, - то и без нас давно дело сделалось бы". Нектарий обещал идти в Москву. "Пойду, хотя бы мне и смерть принять, - говорил он, - потому что я считаю великого государя вселенским царем; это единственный христианский царь, единственная наша надежда и похвала". Несмотря на то, Нектарий не поехал в Москву; Мелетию удалось уговорить ехать туда двоих патриархов: Макария антиохийского и Паисия александрийского.

Что же делал в это время человек, которого имя повторялось беспрестанно и в Константинополе, и в Яссах, в Египте и Сирии, что делал Никон? В 1663 году началось новое соблазнительное дело. Опять сосед Никона по землям Воскресенского монастыря, Иван Сытин, подал государю челобитную, что патриарх его крестьян пыткой пытал, а иных перевешал. Никон написал оправдательное письмо: "Извещаю о себе св. Евангелием, что ни, не знаю того дела, ни ведаю, сделал то дело малый иноземец: поймавши на озере Ивановых крестьян, побил батогами без нашего ведома, а у меня такого указа не было; бил он их за то, что у него рыбу покрали; я послал малого к тебе, великому государю: изволь его расспросить, хотя и с пристрастием. Сотвори суд праведный, припомни свое обещание, на избрании нашем пред всем собором и синклитом данное, что тебе ни во что священное не вступаться; а теперь делаешь над нами неправды великие, клеветников, врагов божиих, слушаешь и всех чинов людей в грех вводишь тем, что в патриаршей крестовой делается". Призванный к допросу патриарший сын боярский Лускин показал, что он действительно бил сытинских крестьян без Никонова ведома, но когда они стали похваляться поджогом, то он отвел их к патриарху, и тот велел бить их батогами в другой раз. В феврале 1664 года окольный Сукин и дьяк Врехов отправились в Воскресенский монастырь с страшными, сокрушительными словами: "Ты писал, что про дело не ведаешь, а малый твой сказал, что ты крестьян батогами бить велел в монастыре в другой раз, значит, ты очень хорошо про дело знаешь. Ты писал, чтоб учинить суд праведный; но суд чинить здесь не в чем, потому что крестьяне биты батогами дважды без розыску и без свидетельства. Да объяви против своего письма, во что священное великий государь вступается, над тобою какие неправды чинит и клеветников кого слушает? Когда присылают ему бить челом на тебя и на твои монастыри, то он о розыске посылает говорить тебе, как и теперь по сытинскому делу. Объяви, чем великий государь в грех вводит в патриаршей крестовой? В патриаршей крестовой сидят теперь власти: рязанский архиепископ Иларион да боярин Петр Михайлович Салтыков - и розыскивают, что при твоём патриаршестве из соборной церкви и из монастырей взяты какие церковные утвари и книги, потому что этим церквам и монастырям взятые тобою утвари и книги даны при прежних великих князьях и царях и при нем, государе, а не келейной какой-нибудь казны сыскивают: за церковные вещи великий государь будет стоять и сыскивать и вперед".

Никон стал изворачиваться и погрузился еще глубже: "Я сказал, что не знаю про побои крестьянам на озере, а в монастыре велел я их бить за невежество, велел побить их слегка, и в том воля государева". Чтоб понравиться, он из обвиненного спешил перейти в обвинителя. "Как вы говорите, - сказал он, - что великий государь в священное не вступается? Он всем духовным чином владеет: кого в попы и в дьяконы поставить, об этом и об всяких духовных делах челобитные подписывают его указом; это не его дело, его обещание не исполнено, и за это он примет суд от бога. А неправды ко мне великие: выискивают, научают и накупают многих людей, чтоб на меня говорили и писали неправды всякие. Меня же поносят и бесчестят всячески, ко псу меня приравнивают, а государь не пожалует, оборонить меня от тех людей не велит. А клеветники на меня Роман Бабарыкин да Иван Сытин". "Патриарший престол, - отвечали ему посланные, - оставил ты своею волею, а не по изгнанию какому-нибудь, и такое долгое время церкви было не без пеня стоять? Митрополитам и епископам в попы и дьяконы как не ставить и духовных дел как не ведать? А если в чем учинилось какое-нибудь неисправление, то это бог взыщет на тебе, потому что ты престол свой самовольно оставил". Никон: "В соборной церкви нет теперь пеня; из нее сделали теперь вертеп или пещеру, она теперь вдовствует: а и патриарх новый будет, будет он прелюбодейца, потому: пошел я из Москвы от многих неправд и от изгнания, а неправды и изгнания от великого государя. Не только в мои дела вступались, но и бить моих людей начали: Хитрово сына моего боярского бил напрасно, а великий государь сыску о том учинить не велел". Посланные: "Не знаем, кто тебя бесчестит и ко псу приравнивает и кто тебе про это сказывал; а мы оо

этом ни от кого никогда не слыхивали". Никон: "Всякая тайна откровенна бывает от бога". Посланные: "Разве ты дух прозорлив имеешь?" Никон: "Так-таки и есть". Посланные: "Как же! чай, приезжают да лгут ссорщики". Никон. "В патриаршей крестовой людей в грех вводят потому: многих людей на меня накупают и всякие неправды сочиняют. Архиепископам владеть и распоряжаться кто власть дал? Келейную мою рухлядь князь Алексей Никитич Трубецкой перебирал и переписывал, и из нее лучшее все изволил великий государь взять на себя. Да и теперь не про одно церковное сыскивают, про посулы и про взятки сыскивают, и государевы грамоты по всем монастырям о том посланы. И то я знаю, что по указу великого государя газский митрополит на меня сочиняет и выписывает и других таких же лжесвидетелей, которым быть на соборе, накуплено с 500 человек, а иных в Палестины накупать послано и денежной казны для того отправлено 30000 рублей. Собору я сам рад, только пусть будет собор праведный, а не накупной, а газскому я во всем ответ дам, не только правилами, но св. Евангелием". Посланные: "Если ты лжесвидетелями называешь властей Московского государства, то за это примешь мечь от бога". Никон: "Какие власти? и кому книжным учением и правилами говорить? Они и грамоте не умеют!" Посланные: "Один ли ты в Московском государстве грамоте умеешь, и есть ли кто другой?" Никон: "Есть не много, а Питирим-митрополит и того не знает, почему он человек". Посланные: "Напрасно ты это говоришь, что ты только один грамоте умеешь; изо всяких чинов люди книжным учением и правилами с тобою говорить готовы, и говорить есть что; только все удержано государскою милостию до собора, а на соборе будут вселенские патриархи".

Услыхав эту страшную для себя весть о приезде патриархов на собор, Никон написал царю письмо с целью напугать его тем, что на соборе откроется много такого, что ему будет очень неприятно; хотел вместе напугать и архиереев русских. "Мы не отметаемся собора, - писал Никон, - и хвалим твое изволение, как божественное, если сами патриархи захотят быть и рассудить все по божественным заповедям евангельским, св. апостол и св. отец канонам - ей не отметаемся. Но прежде молим твое благородие послушать малое это наше увещание с кротостию и долготерпением. Твое благородие изволил собрать по нашем отшествии митрополитов, епископов и архимандритов на суд, вопреки Божиим заповедям, потому что нет такой заповеди, по которой епископы могли бы судить своего патриарха, особенно же от него рукоположенные, и судить заочно". Выписавши евангельские повествования о суде над Христом, Никон продолжает: "Зри, христианнейший царь! даже в такой лютой зависти иудейской ничего не сделано не по закону и без свидетелей и заочно, хотя во всем поступлено несправедливо: того ради рече: предавший мя тебе болий грех понесет. Так и здесь, смутивший твое благородие болий грех понесет. Если собор хочет меня осудить за один уход наш, то подобает и самого Христа извергнуть, потому что много раз уходил зависти ради иудейской. Когда твое благородие с нами в добром совете и любви был, и однажды, ненависти ради людской, мы писали к тебе, что нельзя нам предстательствовать во святой великой церкви, то каков был тогда твой ответ и написание? Это письмо спрятано в тайном месте одной церкви, которого никто, кроме нас, не знает. Ты же смотри, благочестивый царь! чтоб не было тебе чего-нибудь от этих твоих грамот, не было бы тебе это в суд пред богом и созываемым тобою вселенским собором. Я это пишу не из желания патриаршего стола, желаю, чтоб св. церковь без смущения была и тебе пред господом богом не вменился грех, пишу, не бояся великого собора, но не давая св. царствию зазора, занеже между двумя или тремя станет всяк глагол, кольми паче во множестве. Епископы наши обвиняют нас одним правилом первого и второго собора, которое не о нас написано. Но как о них предложится множество правил, от которых никому нельзя будет избыть, тогда, думаю, ни один архиерей, ни один пресвитер не останется достойный! Константинопольского патриарха русские епископы при поставлении клянут все. Тогда как нетопыри усмотрят свои деяния, смущающие твое преблаженство, крутицкий митрополит с Иоанном Нероновым и

прочими советниками. Ты послал Мелетия, а он злой человек, на все руки подписывается и печати подделывает; и здесь такое дело за ним было, думаю, и теперь есть в Патриаршем приказе; есть у тебя, великого государя, и своих много, кроме такого воришки".

Ответа не было. Все в тревожном состоянии ждали развязки дела от прибытия патриархов; наступила зима 1664 года, приближался праздник Рождества Христова. Ночью с 17 на 18 декабря во время заутрень подъехало к заставе несколько саней. "Кто едет?" - закричали сторожа. "Власти Савина монастыря", - был ответ. Поезд был немедленно пропущен и направился в Кремль. В Успенском соборе служили заутреню, присутствовал ростовский митрополит Иона. На второй кафизме вдруг сделался шум, двери загремели, растворились, и вошла толпа монахов, за ними внесли крест, а за крестом явился патриарх Никон и стал на патриаршем месте. Раздался знакомый повелительный голос, которого давно было не слышать в Успенском соборе: "Перестань читать!" Поддьяк ростовского митрополита, читавший псалтырь, повиновался, и воскресенские старцы, приехавшие с Никоном, запели "Исполаэти деспота!" и потом: "Достойно есть". Когда пение кончилось, Никон велел соборному дьякону говорить ектенью, а сам пошел прикладываться к образам и мощам; приложившись, вошел опять на патриаршее место, проговорил молитву "Владыко многомилостиве!" и велел позвать к себе под благословение ростовского митрополита Иону; тот подошел, за ним протопоп и все духовенство. "Поди, - сказал Никон Ионе, - возвести великому государю о моем приходе". Иона отправился вместе с успенским ключарем Иовом. Они нашли государя у заутрени в церкви св. Евдокии. "В соборную церковь пришел патриарх Никон, стал на патриаршем месте и послал нас объявить о своем приходе тебе, великому государю", - проговорил Иона. Немедленно забегали огни во дворце, отправились посланцы за архиереями и комнатными боярами; шум, смятение, точно пришла весть, что татары или поляки под Москвою; архиереи, бояре перемешались, все спешило вверх по лестнице. Наконец собрались архиереи: Павел, митрополит сарский (крутицкий), Паисий газский, Феодор сербский; собрались и комнатные бояре. Царь, в сильном волнении, объявил им новость; бояре начали кричать, архиереи, качая головами, повторяли: "Ах, господи! ах, господи!" Совещание, впрочем, не было продолжительно; в собор отправились люди, которых появление не предвещало Никону ничего доброго, - бояре князя Никита Иванович Одоевский и Юрий Алексеевич Долгорукий, окольный Родион Стрешнев, дьяк Алмаз Иванов; они обратились к Никону с вопросом: "Ты оставил патриарший престол самовольно, обещался вперед в патриархах не быть, съехал жить в монастырь, и об этом написано уже к вселенским патриархам; а теперь ты для чего в Москву приехал и в соборную церковь вошел без ведома великого государя и без совета всего освященного собора? Ступай в монастырь по-прежнему". Никон: "Сшел я с престола никем не гоним, теперь пришел на престол никем не званный для того, чтоб великий государь кровь утолил и мир учинил, от суда вселенских патриархов я не бегаю, а пришел я на свой престол по явлению; вот письмо, отнесите его к великому государю". "Без ведома великого государя мы письма принять не смеем, - отвечали посланные, - пойдем известим об этом великому государю". Отправились во дворец, чрез несколько времени снова вошли в собор и сказали Никону: "Великий государь приказал нам объявить тебе прежнее, чтоб ты шел назад, в Воскресенский монастырь, а письмо взять". "Если великому государю приезд мой ненадобен, - отвечал Никон, - то я в монастырь поеду назад, но не выйду из церкви до тех пор, пока на письмо мое отповеди не будет". Письмо понесли к государю, начали читать: "Слыша смятение и молву великую о патриаршеском столе, одни так, другие иначе говорят развращенная, каждый что хочет, то и говорит, - слыша это, удалился я 14 ноября в пустыню вне монастыря на молитву и пост, дабы известил господь бог, чему подобает быть; молился я довольно господа богу со слезами, и не было мне извещения. С 13 декабря уязвился я любовью божию больше прежнего, приложил

молитву к молитве, слезы к слезам, бдение к бдению, пост к посту и постился даже до 17-го дня. не ел, не пил, не спал, лежал на ребрах, утомившись, сидел с час в сутки. Однажды, севши, сведен я был в малый сон и вижу: стою я в Успенском соборе, свет сияет большой, но из живых людей нет никого, стоят одни усопшие святители и священники по сторонам, где гробы митрополичьи и патриаршие. И вот один святолепный муж обходит всех других с хартиєю и киноварницею в руках, и все подписываются. Я спросил у него, что они такое подписывают? Тот отвечал: о твоём пришествии на святой престол. Я спросил опять: а ты подписал ли? Он отвечал: подписал - и показал мне свою подпись: смиренный Иона, божиею милостию митрополит. Я пошел на свое место и вижу: на нем стоят святители! Я испугался, но Иона сказал мне: не ужасайся, брате, такова воля божия: взыди на престол свой и паси словесные Христовы овцы. Ей-ей так, мне господь свидетель о сем. Аминь. Обретаюсь днесь в соборной церкви св. богородицы, исповедая вашему царскому величеству, понеже отхождения своего вину исполнил, что задумал, то и сотворил и теперь пришел видеть пресветлое лицо ваше и поклониться пресвятой славе царствия вашего, взявши причину от св. Евангелия, где написано: "Вы, рече, взыдете в праздник сей, аз не взыду в праздник сей, яко время мое не уисполнися; егда же взыдоша братия его в праздник, тогда и сам взыде не яве, но яко тай". И паки ино писание: рече Павел к Варнаве: возвращешся посети братию нашу во всех градах, в них же возвестихом слово божие, како суть. Такожде и мы пришли: како суть у вас, государей, и у всех сущих в царствующем граде Москве и во всех градах? Пришли мы в кротости и смирении. Хочешь ли самого Христа принять? Мы твоему благородию покажем, како господу, свидетельствующу: приемля вас, меня приемлет и слушай вас, мене слушает. Во имя господне приими нас и дому отверзи двери, да мзда твоя по всему не отменит. Это написал я твоему царскому величеству не от себя что-либо, мы не корчемствуем слово божие, но от чистоты яко от бога пред богом о Христе глаголем, ни от прелести, ни от нечистоты, ниже лестию сице глаголем, не яко человеком угождающе, но богу, искушающему сердца наша. Аминь".

В третий раз отправился митрополит Павел с боярами в собор и объявил Никону: "Письмо твое великому государю донесено: он, власти и бояре письмо выслушали, а ты, патриарх, из соборной церкви ступай в Воскресенский монастырь по-прежнему". Никон приложился к образам, взял посох Петра-митрополита и пошел к дверям. "Оставь посох", - говорили ему бояре. "Отнимите силою", - отвечал Никон и вышел из церкви. Еще оставался час до света; на небе горела хвостатая комета. Садясь в сани, Никон начал отрясать ноги, произнося евангельские слова: иде же аще не приемлют вас, исходя из града того, и прах, прилипший к ногам вашим, отрясите во свидетельство на ня. Стрелецкий полковник, наряженный провожать Никона, сказал: "Мы этот прах подметем!" "Да разметет господь бог вас оною божественною метлою, иже является на дни многи!" - отвечал ему Никон, указывая на комету. Сани двинулись; окольный князь Дмитрий Алексеевич Долгорукий и любимец царский, Артамон Сергеевич Матвеев, ехали за патриархом; выехавши за Земляной город, остановились; Долгорукий подошел проститься и сказал Никону: "Великий государь велел у тебя, святейшего патриарха, благословения и прощения просить". "Бог его простит, если не от него смута", - отвечал Никон. "Какая смута?" - спросил Долгорукий. "Ведь я по вести приезжал", - отвечал Никон.

Возвратившись во дворец, Долгорукий немедленно передал Никоновы слова царю, и вот по Воскресенской дороге поскакали митрополит Павел крутицкий, чудовской архимандрит Иоаким, Родион Стрешнев, Алмаз Иванов с наказом взять у Никона посох Петра-митрополита и дознаться, по какой вести он приезжал? Посланные нагнали патриарха в селе Черневе. "Приезжал я в Москву не самовольно, по вести из Москвы, - начал Никон, - посоха не отдам, отдать мне посох некому; оставил я патриарший престол на время за многое внешнее нападение и за досады". Потом, обратившись к крутицкому

митрополиту, продолжал: "Тебя я знал в попах, а в митрополитах не знаю; кто тебя в митрополиты поставил - не ведаю; посоха тебе не отдам и с своими ни с кем не пошлю, потому что не у кого посоху быть. Кто ко мне весть прислал, объявлю по времени; вот и письмо! а письмо это принял я потому: как великий государь был в Савине монастыре, то я посылал к нему архимандрита своего, и великого государя милость была ко мне такая, какой по уходе моем из Москвы никогда не бывало". Но посланные от него не отставали; они просидели в Черневе с 5-го часа дня до одиннадцатого часа ночи; наконец после многих разговоров Никон сказал: "Посох и письмо отошлю я сам к великому государю; ведомо мне, что великий государь посылал к вселенским патриархам, чтоб они решили дело об отшествии моем и о поставлении нового патриарха: я великому государю бью челом, чтоб он к вселенским патриархам не посылал; я как сперва обещался, так и теперь обещаюсь на патриарший престол не возвращаться; и в мысли моей того нет; хочу, чтоб выбран был на мое место патриарх, и когда будет новый патриарх поставлен, то я ни в какие патриаршие дела вступаться не стану, и дела мне ни до чего не будет; велел бы мне великий государь жить в монастыре, который построен по его государеву указу, а новопоставленный патриарх надо мною никакой бы власти не имел, считал бы меня братом, да не оставил бы великий государь ко мне своей милости в потребных вещах, чтоб было мне чем пропитаться до смерти, а век мой не долгий, теперь уже мне близко 60 лет". Никон исполнил обещание, отправил посох и письмо с своим посланцем, который должен обратиться к духовнику царскому с просьбою доложить государю, чтоб позволил ему. Никону, приехать в Москву помолиться богородице и видеть государевы очи. В ответ получен был прежний отказ, приправленный выговором и угрозою: "Великий государь указал тебе сказать: для мирской многой молвы ехать тебе теперь в Москву непристойно, потому что в народе теперь молва многая о разности в церковной службе и печатных книгах, и от твоего в Москву приезда и по готову ждать в народе всякого соблазна, потому что патриарший престол оставил ты своею волею, а не по изгнанию; так для всенародной молвы и смятения изволь теперь ехать назад, в Воскресенский монастырь, пока будет об этом собор в Москве, и к собору приедут вселенские патриархи и власти; в то время тебе дадут знать, чтоб и ты приезжал на собор, а на соборе великий государь станет говорить обо всем. Ты писал от себя к газскому митрополиту Паисию и жаловался, будто невинно с престола своего изгнан, и об иных тому подобных делах; во всем этом великого государя терпение от тебя многое, а как приспееет время собору, и в то время он, великий государь, обо всех этих вещах говорить будет".

Исчезла последняя надежда покончить дело мирным образом. Никон отправился в Воскресенский монастырь, а в Москве занялись следствием по письму, которым Никон был вызван в Москву. Оказалось, что письмо писано боярином Никитою Ивановичем Зюзиным, которого мы сначала видели в посольских делах, потом воеводою в Путивле; видели, что изо всех бояр он один продолжал переписку с Никоном по удалении последнего из Москвы. Письмо было такого содержания: "Являлись ко мне Афанасий (Ордин-Нащокин) и Артемон (Матвеев) и сказывали: 7 декабря у Евдокеи в заутреню наедине говорил с нами царь: "Присылал ко мне патриарх архимандрита в Савин монастырь; я его совету обрадовался, хороший архимандрит! Сидел я с ним наедине, и он со слезами говорил, чтоб нам ссоре не верить, и я с клятвою говорю, что никакой ссоре отнюдь не верю; вот теперь на Николин день приезжал ко мне чернец Григорий Неронов с наносными словами всякими на патриарха: я знаю, кто с ним и в заводе, только я этому ничему не верю; а наш совет и обещание наше господь един весть, и душою своею от патриарха ей я не отступен, да духовенства и синклита ради, по нашему царскому обычаю, собою, мне патриарха звать нельзя и писать к нему о том, потому что он ведает, для чего ушел, а ныне в церкви и во всем кто ому бранит? Как пошел, так и придет - его воля, я ей-ей в том ему не противен. А мне к нему нельзя о том отписать, ведая его нрав: в сердцах на архиереев и на бояр не удержится, скажет, что я ему велел приехать, или по

письму моему откажет, и мне то будет, конечно, в стыд, в совете нашем будет препона, и все поставят мне то в непостоянство; а хотя и пришлю спросить в церковь для прилика, отводя подозрение и скрывая совет, и он скажет, что по своей воле ради церковных потреб отъезжал и опять пришел; кто, скажет, мне возбранит? кто мне в церкви указчик? а что, скажет, духовные письмо давали на меня, и я им дам ответ, они сами не знают ничего, почему я ушел, почему опять прихожу, а суд износят на меня не по своей мере и не по правилам; и если станут просить прощения, то за неведение их изволил бы сказать: бог простит! А я, продолжал государь, свидетеля бога поставляю, что ему ни в чем противен не буду, и душевно советую так сделать. Сколько уже времени между нами продолжается несогласие? Врагу лишь в том радость да неприятелям нашим, которые для своих прихотей не хотят, чтоб нам в совете быть: это я узнал досконально. Только бы пожаловал, изволил патриарх прийти к 19 декабря к заутрени в соборную церковь, прежде памяти чудотворца Петра, и он нам, чудотворец и посредник любви нашей, и всех врагов наших отженет: для того пришел бы, чтоб кровь христианскую остановил вместе с нами, и его слово надобно будет во всенародное множество, и любо им, конечно, будет, и все ему за то, конечно, ради будут и послушны; а мне то в помощь от него и заступление; да и мне надобно душевно: начал я это ратное дело и всякие свои царственные и духовные дела вместе с ним: так чтоб господь бог молитвами его святительскими и совершить сподобил во благая, вместе, по совету: и ты, Афанасий, моим словом прикажи Никите отписать ему все это тайно: а вот мне к тому числу надобно с ним вместе порешить, с чем отпустить тебя на посольское дело, пособоровать о том со всеми чинами и пост заповедать, у поляков и венгров пост был о соединении, а нам и больше надобно то и всякую вражду и ненависть оставить, а время тому последнее наступило, все поставим на мере и переговорим обо всем, как чему быть. Но опять молю, чтоб в тишине, без больших выговоров, чтоб не ожесточил всех, все опасаются, ждут от него жестокости. Покинул он меня в таких напастях одного, борима от видимых и невидимых врагов, а не на том мы между собою обещались, что до смерти друг друга не покинуть, и клятва есть в том между нами".

Призвали Зюзина к допросу: он сказал, что письмо его руки, посылал он такое письмо патриарху дважды с поддиаконом Никитою, патриарх отвечал ему письменно; он его письма и свои жег, патриарх присылал ему его письма назад, кроме последнего. Никита-поддиакон сказал, что когда он привез к Никону грамотку, то патриарх, прочтя, сказал: "Буди в том воля божия, сердце цареву в руке божией, я миру рад". Ордин-Нащокин показал: "Приехал Никита Зюзин в Москву из Новгорода и сказывал мне: писал ему в Новгород патриарх Никон из Воскресенского монастыря о видении ему Петра-митрополита, и как он, Зюзин, из Новгорода ехал в Москву и был в Воскресенском монастыре у патриарха, то Никон ему сказывал, что о видении писал он к государю, и в Москве решили, что он пророчествует о Вельзевуле, а скоро потом у великого государя во дворце погорели сушильни. Зюзин, - продолжал Нащокин, - хотел деньги занимать для отвоза поташу в Вологду и говорил: патриарх Никон меня в бедности не покинул бы, да не смею я ему бить челом для людских переговоров: слышу, что патриарх горько плачет и говорит на людей, что великому государю приносят на него ссоры невместные; за грехи наши всенародные, чего и не ждали, случилось: между великим государем и патриархом учинилась ссора! А здесь я не слыхал, чтоб великий государь говорил что про патриарха, и, будучи в Савине монастыре, он посылал к патриарху стольника Григория Собакина с своею милостью. Говоря это, Зюзин плакал. Я к тем его речам ему молвил: слышал я от великого государя, как возвратился он из Савина монастыря, что приходил к нему от патриарха воскресенский архимандрит, а в село Хорошово приходил старец Григорий Неронов и говорил про патриарха вздорные речи, что и слушать нечего". При вторичном допросе Зюзин объявил, что Нащокина и Матвеева он поклепал, Нащокин говорил ему: хорошо бы, если бы к моему посольству был и патриарх, и что у государя на патриарха

гнева нет; тут он, Зюзин, сказал ему, что будет писать к патриарху, звать его в Москву, и Нащокин отвечал: "Хорошо, если тебе патриарх советен, кабы то господь бог церковь умирил!" Нащокин на это показал, что ничего подобного не бывало: прибавил только, что Зюзин занял у него денег 50 рублей, а потом, когда Нащокин был болен, приезжал сказать, что этих денег мало на провоз поташу. Нащокин просил у государя прощения: "В 1662 году, в сентябре или октябре месяце, государь мне говорил, чтоб мне с Зюзиным не знаться, потому что он многоязычен и приплетет меня к ненадобным делам, и как я приехал в Москву из Львова, то при первой встрече с Зюзиным объявил ему, чтоб он со мною нигде не видался, потому что он человек опальный: но теперь для его, Никитиных, слез двора своего от него запереть не велел: в том я перед великим государем виноват, достоин казни и без повеления великого государя по исповеди к причастию сего декабря 24-го числа приступить не смею". При пытке Зюзин сказал, что все Никоновы письма показывал Нащокину; сказывал ему и про те письма, которые писал к Никону. только не тем лицом, как он в письмах писал, и Нащокин ему сказал: "Хорошо". Что же это значит? По всем вероятностям, Нащокин говорил Зюзину, что со стороны царя не будет препятствий к примирению, что у государя гнева нет на патриарха; вероятно, и одобрил намерение Зюзина склонить Никона сделать первый шаг; а Зюзин, чтоб сильнее подействовать, написал письмо известного нам содержания, причем действительно поклепал Нащокина и Матвеева, написавши не тем лицом. Бояре приговорили Зюзина к смертной казни; но царь, по просьбе сыновей своих. как объявлено, изменил приговор боярский, приказал сослать Зюзина в Казань, где записать на службу, а поместья и вотчины отписать в казну, двор же и движимое имение отдать ему на прокормление.

Увидавши, что в Москве нельзя ничего сделать, Никон обратился к патриархам, хотел заранее подробно объяснить им дело с своей точки зрения, оправдать свое поведение. Но трудно было переслать грамоты к патриархам. Случай представился, когда в 1665 году приехал в Москву гетман запорожский Иван Мартынович Брюховецкий. У Никона в Воскресенском монастыре жил в детях боярских двоюродный племянник его от сестры, курмышский посадский Федот Тимофеев Марисов; этого Марисова патриарх прислал к Брюховецкому с просьбою взять его с собою в Малороссию и оттуда отпустить в Константинополь. Но гетман отказался. Тогда служба патриарший, Иван Шушера, автор известного жития Никонова, подкупил козака васильковца Кирилла Давыдовича, который взял с собою Марисова, объявив, что это его племянник, взятый в плен во время похода Бутурлина на Львов; дело было обделано за 50 рублей и 50 золотых. Из Москвы Марисов выехал благополучно; но скоро здесь проведали об его отъезде, и в январе 1666 года послан гонец к Брюховецкому с требованием захватить патриаршего посланца; Марисова поймали и прислали в Москву вместе с грамотами: грамоты эти были прочтены: в них Никон подробно описывал патриархам, что случилось с ним с того времени, как вступил он на патриарший престол, описывал, как по возвращении из Соловок силою взяли его из дому, привели в собор, и здесь царь со всем народом, приклоняясь к земле, со слезами умолял принять патриаршество; как он согласился с условием, чтоб все слушались его во всем как начальника и пастыря. Сперва царь был благоговеен и милостив и во всем божиих заповедей искатель, но потом начал гордиться и выситься. Дело дошло и до явных оскорблений: Хитрово прибил во дворце слугу патриаршего и остался без наказания: царь перестал являться в соборную церковь, когда служил там он, патриарх; князь Юрий Ромодановский прямо объявил ему гнев царский; тогда он, от этого гнева и от бесчиния народного, удаляется из Москвы в Воскресенский монастырь. "Уезжая из Москвы, - пишет Никон, - я взял архиерейское облачение, всего по одной вещи для архиерейской службы: я ушел, но не отказался от архиерейства, как теперь клеветуют на меня, говоря, будто я своею волею отрекся от архиерейства. Я ждал, что царское величество помирится со мною; царь, узнав, что я хочу уехать в Воскресенский монастырь, прислал бояр сказать мне, чтоб я не ездил до тех пор, пока не увижусь с ним; я ждал на подворье три дня и

только по прошествии трех дней уехал в Воскресенский монастырь. За нами прислал царское величество в монастырь тех же бояр, которые спрашивали нас: зачем ты без царского повеления ушел из Москвы? Я отвечал, что ушел не в дальние места; если царское величество на милость положит и гнев свой утолит, опять придем: и после этого о возвращении нашем от царского величества ничего не было. Приказали мы править на время крутицкому митрополиту Питириму: и по уходе нашем царское величество всяких чинов людям ходить к нам и слушаться нас не велел, потребное от патриаршества давать нам запретил; указал - кто к нам будет без его указа, тех людей да истяжут крепко и сошлют в заключение в дальние места, и потому весь народ утрашился. Крутицкому митрополиту велел спрашивать себя, а не нас. Учрежден Монастырский приказ, повелено в нем давать суд на патриарха, митрополитов и на весь священный чин, сидят в том приказе мирские люди и судят. Написана книга (уложение), св. Евангелию, правилам св. апостол, св. отец и законам греческих царей во всем противная, почитают ее больше Евангелия: в ней-то в 13-й главе уложено о Монастырском приказе; других беззаконий, написанных в этой книге, не могу описать - так их много! Много раз говорил я царскому величеству об этой проклятой книге, чтоб ее искоренить, но, кроме уничтожения, не получил ничего. Я исправил книги - и они называют это новыми уставами и Никоновыми догматами. Главный враг мой у царя - это Паисий Лигарид; царь его слушает и как пророка божия почитает; говорят, что он от Рима и верует по-римски, хиротонисан дьяконом и пресвитером от папы, и когда был в Польше у короля, то служил латинскую обедню. В Москве живущие у него духовные греческие и русские рассказывают, что он ни в чем не поступает по достоинству святительского сана, мясо ест и пьет бесчинно, ест и пьет, а потом обедню служит, муже...; я с этим свидетельством послал письмо к царю, но он не обратил на него внимания. Наклеветали на меня царю, что я его проклинал, но я в этом неповинен, кроме моей тайной молитвы. Теперь все делается царским хотением: когда кто-нибудь захочет ставиться во дьяконы, пресвитеры, игумены или архимандриты, то пишет челобитную царскому величеству, и царским повелением на той челобитной подпишут: по указу государя царя поставить его, и в ставленной грамоте пишут: хиротонисан повелением государя царя. Когда повелит царь быть собору, то бывает, и кого велит избирать и поставить архиереям, избирают и поставляют, велит судить и осуждать - судят, осуждают и отлучают. Царь забрал себе патриаршеские имена, также берет, по его приказанию, имена и других архиереев и монастырские, берут людей на службу, хлеб, деньги, берут немилостиво, весь род христианский отягчил данями, сугубо, трегубо и больше, но все бесполезно. Много раз писали мы царскому величеству, представляя ему примеры царей благочестивых, благословенных богом за добрые дела, и нечестивых, принявших от бога мучения; но он ни во что вменил наши увещания, только гневался на нас и прислал сказать нам: "Если не перестанешь писать, унижая и позоря нас примерами прежних царей, то более не будем терпеть тебя". Боярин Семен Лукьянович Стрешнев научил собаку сидеть и передними лапами благословлять, ругаясь благословению божию, и называл собаку Никоном-патриархом; мы, услышав о таком бесчинии, прокляли его, а царское величество не обратил на это никакого внимания и держит Стрешнева у себя по-прежнему в чести. Мы предали анафеме и крутицкого митрополита Питирима, потому что перестал поминать на литургии наше имя, и которые священники продолжали поминать, тех наказывал; он же хиротонисал епископа Мефодия в Оршу и Мстиславль, и послали его в Киев местоблюстителем, тогда как Киевская митрополия под благословением вселенского патриарха; когда мы были в Москве, то царское величество много раз говорил нам, чтоб хиротонисать в Киев митрополита, но мы без вашего благословения и без вашего совета не захотели этого сделать и никогда бы не сделали".

Письмо это всего более раздражило царя против Никона: если и прежде Никон не щадил жестких выражений относительно Алексея Михайловича, то это было дело свое,

домашнее, о котором знали свои, немногие; а теперь Никон решился выставить в черном свете поведение государя относительно себя, относительно церкви и всего народа перед чужими, и именно перед людьми, добрым мнением которых, по религиозности своей, Алексей Михайлович очень дорожил. В сильном волнении и с досадою читал он это письмо, что видно из собственноручных заметок его на полях; так, например, против того места, где Никон говорит, что тяжкие дани, налагаемые царем на народ, не приносят никакой пользы, Алексей Михайлович написал: "А у него льготно и что в пользу?"

Пришла весть, что патриархи едут в Москву; по военным обстоятельствам они не могли ехать европейским путем, чрез европейские украины, ехали дорогою азиатскою через Астрахань, поднимаясь оттуда Волгою. 11 марта 1666 года царь писал астраханскому архиепископу Иосифу: "Как патриархи в Астрахань приедут, то ты бы ехал из Астрахани в Москву с ними вместе и держал к ним честь и береженье; если они станут тебя спрашивать, для каких дел вызваны они в Москву, то отвечай, что Астрахань от Москвы далеко, и потому ты не знаешь, для чего им указано быть в Москву, думаешь, что велено им приехать по поводу ухода бывшего патриарха Никона и для других великих церковных дел, а того не сказывай, как ты был у него вместе с князем Никитою Ивановичем Одоевским, во всем будь осторожен и бережен, да и людям, которые с тобою будут, прикажи накрепко, чтоб они с патриаршими людьми о том ничего не говорили и были б осторожны".

Издержек для дорогих гостей не щадили: под патриархами было 500 лошадей! Но скоро царю дали знать, что патриархи везут с собою из Астрахани в Москву наборщика печатного двора Ивана Лаврентьева, который по царскому указу сослан был на Терек за то, что завел латинское воровское согласие и многие римские соблазны; везут с собою слугу гостя Шорина Ивана Туркина, писавшего к воровским козакам воровские грамотки, по которым козаки грабили царский насад, торговые суда и многих людей побили до смерти. 5 сентября царь писал к многострадальному иеродиакону Мелетию Греку, провожавшему патриархов, чтоб он обходился с гостями учтиво, во всем их государскою милостию обнадеживал, но сказал им, чтоб они с великим государем не ссорились, воров в Москву не возили, а отдали бы их воеводам. Приставы, находившиеся при патриархах, доносили, что по дороге, по городам и селам, патриархи принимают челобитные и розыски чинят: в Симбирске остригли и велели посадить в тюрьму протопопа Никифора за крестное знамение и за то, что не служит по новым служебникам; там же остригли дьякона девичья монастыря за связь с монахиною; в городке Урене остригли попа по челобитной дочери его духовной и по сыску сторонних священников и многих людей. В этих распоряжениях в Москве не могли найти ничего противозаконного.

В Москве патриархов ждала великолепная встреча, богатые подарки, приветственные речи. "Вас благочестие, яко самих святых верховных апостол, приемлем, - говорил им сам царь, - любезно, яко ангелов божиих, объемлем, верующе, яко всеильного монарха всемогущий промысл, вашим zde архиераршеским пречестным пришествием всяко в верных сомнение искоренити, всяко желаемое благочестивым благое исправление насадити и благочестие, еже паче солнца в нашей державе сияет, известными свидетелями быти и св. российскую церковь и всех верных возвеселити, утешити. О святая и пречестная двоице! Что вас наречем толик душеспасительный труд подъемших? Херувимы ли, яко на вас почил есть Христос? Серафимы ли, яко непрестанно прославляете его?" и т. д.

Приступили к делу. 5 ноября патриархи три часа сидели с царем наедине; седьмого числа к совещанию были допущены архиереи, бояре, окольные и думные люди. Государь говорил об уходе из Москвы Никона-патриарха, архиереи подали сказки и выписку из

правил. 28 ноября третье заседание: царь вычитал обвинения Никону и просил патриархов решить дело по правилам и по своему рассмотрению. Патриархи отвечали, что надобно позвать Никона на собор и потребовать от него ответа. На другой день отправились за Никонем в Воскресенский монастырь Арсений, архиепископ псковский, Сергей, архимандрит Спасо-Ярослав-ского, и Павел, суздальского Евфимиева монастыря. "Я поставление святительское и престол патриаршеский имею не от александрийского и не от антиохийского патриархов, но от константинопольского, - отвечал им Никон, - александрийский и антиохийский патриархи и сами живут не в Александрии и не в Антиохии: один живет в Египте, а другой в Дамаске: если же патриархи пришли по согласию с константинопольским и иерусалимским патриархами для духовных дел, то я в царствующий град Москву приду для духовных дел известия ради". 30 ноября патриархи, архиереи и синклит собрались в столовой избе: государь сидел на царском месте, патриархи подле него на левой стороне в креслах, архиереи на правой стороне на скамьях, бояре, окольные и думные люди по левую сторону на скамьях. Объявлен был ответ Никона и показался досадителен; определили послать вторично Филарета, архимандрита владимирского Рождественского монастыря, и новоспаского келаря Варлаама Палицына. которые повезли Никону такую грамоту: "Ты великого государя указа и св. патриархов повеления не послушал, в Москву не поехал, отказал нечестно: и великий государь за премное свое беззлобие и долготерпение и св. патриархи и преосвященный собор, презревши твои досады и непослушание, прислали к тебе в другой раз, чтоб ты приезжал в Москву 2 декабря во втором или третьем часу ночи, не раньше второго и не позднее третьего часа, и остановился бы на Архангельском подворье в Кремле у Никольских ворот: ехать тебе смиренным образом в 10 человеках или меньше".

Отправив посланцев, собор занялся чтением правил, присланных патриархами. Паисий и Макарий подтвердили, что правила действительно посланы ими, и спросили: "По этому свитку Никон повинен ли?" "Повинен", - отвечали архиереи и бояре. Между тем Филарет и Варлаам встретили Никона уже на дороге в Москву, куда он приехал в 12 часов ночи. На другой день, 1 декабря, в третьем часу дня собор в прежнем порядке уже заседал в столовой избе. За Никонем были посланы наш старый знакомый Мефодий, епископ Мстиславский, и два архимандрита; они должны были сказать Никону, чтоб шел на собор смиренным обычаем: но он пошел, как всегда ходил: перед ним несли крест. По-патриаршески вошел он и в столовую избу: говорил вход и молитву за здоровье государя и всего царствующего дома, патриархов и всех православных христиан; присутствующие все стояли во время молитвы: изговоря вход, поклонился государю до земли трижды, патриархам дважды; те обратились к нему с приглашением сесть по правую сторону близ государева места. Но Никон, увидав, что его приглашают садиться на одной лавке с другими архиереями, что особого места для него нет, отвечал: "Я места себе, где сесть, с собою не принес, разве сесть мне тут, где стою; пришел я узнать, для чего вселенские патриархи меня звали?" Тут царь сошел с своего места, стал перед патриархами и начал говорить: "От начала Московского государства соборной и апостольской церкви такого бесчестия не бывало, как учинил бывший патриарх Никон: для своих прихотей самовольно, без нашего повеления и без соборного совета церковь оставил, патриаршества отрекся никем не гоним, и от этого его ухода многие смуты и мятежи учинились, церковь вдовствует без пастыря девятый год: допросите бывшего патриарха Никона, для чего он престол оставил и ушел в Воскресенский монастырь?" Патриархи обратились с этим вопросом к Никону, и тот отвечал: "Есть ли у вас совет и согласие с константинопольским и иерусалимским патриархами, что меня судить? А без их совета я вам отвечать не буду, потому что хиротонисан я от константинопольского патриарха". Паисий и Макарий указали ему на свитки, содержащие полномочие от двух остальных патриархов. Тогда Никон бил челом государю и патриархам, чтоб выслали из собора недругов его, Питирима, митрополита новгородского, и Павла сарского, которые хотели

его отравить и удавить. Питирим и Павел отвечали, что это ложь и что у государя есть дело чернеца Феодосия.

Царь поднес это дело патриархам. Патриархи снова повторили вопрос Никону: для чего отрекся от патриаршества? Никон стал говорить о теймуразовском обеде, повторил исчисление всех полученных им оскорблений, как он это сделал в письме к патриархам. Царь отвечал: "Никон писал ко мне и просил обороны от Хитрово в то время, как у меня обедал грузинский царь, и в ту пору розыскивать и оборону давать было некогда". Ответ этот был очень неудовлетворителен: если некогда было во время стола, то было время после; впрочем, царь спешил дать более благоприятный для себя оборот делу. "Никон-патриарх говорит, - продолжал он, - будто человека своего присылал для строения церковных вещей, но в ту пору на красном крыльце церковных вещей строить было нечего, и Хитрово зашиб его человека за невежество, что пришел не вовремя и учинил смятение, и это бесчестье к Никону-патриарху не относится: а в праздники выходу мне не было за многими государственными делами. Я посылал к нему боярина князя Трубецкого и Родиона Стрешнева, чтоб он на свой патриарший стол возвратился, а он от патриаршества отрекался, сказывал: как-де его на патриаршество обирали, то он на себя клятву положил - быть на патриаршестве только три года. Посылал я князя Юрия Ромодановского, чтоб он вперед великим государем не писался, потому что прежние патриархи так не писывались, но того к нему не приказывал, что на него гневен". Ромодановский объявил, что он о государеве гневе не говаривал. Патриархи спросили Никона: "Какие обиды тебе от великого государя были?" "Никаких обид не бывало, - отвечал он, - но когда он начал гневаться и в церковь ходить перестал, то я патриаршество и оставил". Царь: "Он писал ко мне по уходе: будешь ты великий государь один, а я, Никон, как один от простых". Никон: "Я так не писывал".

Патриархи обратились к архиереям с вопросом: "Какие обиды были Никону от государя?" "Никаких", - был ответ. Никон: "Я об обиде не говорю, а говорю о государеве гневе; и прежние патриархи от гнева царского бегали, Афанасий александрийский и Григорий Богослов". Патриархи: "Другие патриархи оставляли престол, да не так, как ты: ты отрекся, что вперед не быть тебе патриархом, если будешь патриархом, то анафема будешь". Никон: "Я так не говаривал, а говорил, что за недостойнство свое иду; а если б я отрекся от патриаршества с клятвою, то не взял бы с собою святительской одежды". Патриархи: "Когда ставят в священный чин, то говорят: достоин; а ты как святительскую одежду снимал, то говорил: недостойн". Никон: "Это на меня выдумали". Царь: "Никон писал в грамотах своих к св. патриархам на меня многие бесчестья и укоризны, а я на него ни малого бесчестья и укоризны не писывал. Допросите его: все ли он истину безо всякого прилога писал? за церковные ли догматы он стоял? Иосифа-патриарха святейшим и братом себе почитает ли и церковные движимые и недвижимые вещи продавал ли?" Никон: "Что в грамотах писано, то и писано, а стоял я за церковные догматы; Иосифа-патриарха почитаю за патриарха, а свят ли он - того не ведаю; церковные вещи продавал я по государеву указу".

Царь велел читать грамоту Никона к патриарху Дионисию. Когда читали: "Послан я в Соловецкий монастырь за мощами Филиппа-митрополита, которого мучил царь Иван неправедно", Алексей Михайлович прервал чтение и сказал: "Для чего он такое бесчестие и укоризну царю Ивану Васильевичу написал, а о себе утаил, как он низверг без собора Павла, епископа коломенского, ободрал с него святительские одежды и сослал в Хутынский монастырь, где его не стало безвестно: допросите его, по каким правилам он это сделал?" Никон промолчал о царе Иване и отвечал только относительно Павла: "По каким правилам я его низверг и сослал, того не помню и, где он пропал, того не ведаю,

есть о нем на патриаршем дворе дело". "На патриаршем дворе дела нет и не бывало, отлучен епископ Павел без собора", - возразил митрополит сарский.

Никон молчал; стали опять читать письмо. Когда дошли до того места, где говорилось, что царь начал вступаться в патриаршеские дела, то Алексей Михайлович сказал патриархам: "Допросите, в какие архиерейские дела я вступаюсь?" "Что я писал, того не помню", - отвечал Никон. Продолжали читать: "Оставил патриаршество вследствие государева гнева". "Допросите, - прервал царь, - какой гнев и обида?" Никон: "На Хитрово не дал обороны, в церковь ходить перестал; ушел я сам собою, патриаршества не отрекался, государев гнев объявлен небу и земле, кроме сакоса и митры, с собою не взял ничего". Патриархи: "Хотя б Богдан Матвеевич человека твоего и зашиб, то тебе можно бы терпеть и последовать Иоанну Милостивому, как он от раба терпел; а если б государев гнев на тебя и был, то тебе следовало об этом посоветоваться с архиереями и к великому государю посылать, бить челом о прощении, а не сердиться". Тут послышался голос Хитрово, ободренного словами патриархов. "Во время стола я царский чин исполнял, - начал Богдан Матвеевич, - в это время пришел патриархов человек и учинил мятеж, и я его зашиб не знаячи, и в том у Никона-патриарха просил прощения, и он меня простил". Раздались голоса с обеих сторон, с архиерейской и боярской: "От великого государя Никону-патриарху обиды никакой не было, пошел он не от обиды, с сердца". "Когда он снимал панагию и ризы, - говорили архиереи, - то говорил: "Аще помыслю в патриархи, анафема да буду", панагию и посох оставил, взял клюку, а про государев гнев ничего не говорил; как поехал в Воскресенский монастырь, то за ним повезли его люди много сундуков с именем, да к нему же отослано из патриаршей казны денег 2000 рублей". Патриархи: "Ты отрекся от архиерейства: снимая митру и омофор, говорил: недостоин". Никон: "В отречении лжесвидетельствуют, если б я вовсе отрекся, то архиерейской одежды с собою не взял бы".

Дочли в письме до выходки Никона против Уложения. "К этой книге, - сказал царь, - приложили руки патриарх Иосиф и весь освященный собор, и твоя рука приложена: для чего ты, как был на патриаршестве, эту книгу не исправил и кто тебя за эту книгу хотел убить?" "Я руку приложил поневоле", - отвечал Никон. Дочли до рассказа о приезде князя Одоевского и Паисия Лигарида в Воскресенский монастырь. "Митрополит и князь, - сказал царь, - посланы были выговаривать ему его неправды, что писал ко мне со многим бесчестьем и с клятвою, мои грамоты клал под Евангелие: позорил он газского митрополита, а тот свидетельствован отцом духовным, и ставленная грамота у него есть". Никон: "Я за обидящего молился, а не клял; газскому митрополиту по правилам служить не следует, потому что епархию свою оставил и живет в Москве долгое время: слышал я от дьякона Агафангела, что он иерусалимским патриархом отлучен и проклят: у меня много таких мужиков; мне говорил боярин князь Никита Иванович государевым словом, что Иван Сытин хочет меня зарезать". Одоевский: "Таких речей я не говаривал, а Никон мне говорил: "Если хотите меня зарезать, то велите" - и грудь обнажал". Патриарх Макарий: "Митрополит газский в дьяконы и попы ставлен в Иерусалиме, а не в Риме, я про это подлинно знаю". Алмаз Иванов: "Когда Никон, по вестям о неприятеле, приезжал в Москву, то мне говорил, что от престола своего отрекся". Никон: "Никогда не говорил".

Когда прочли в грамоте, что царь посылал к патриархам многие дары, то Алексей Михайлович, обратясь к Никону, сказал: "Я никаких даров не посылывал, писал, чтоб пришли в Москву для умирения церкви; а ты посылал к ним с грамотами племянника своего и дал черкашенину много золотых". Никон: "Я черкашенину не давал, а дал племяннику на дорогу".

Читали о Зюзине, о его ссылке, о смерти жены его с горя. Царь: "Зюзин достоин был за свое дело смертной казни, потому что призывал Никона в Москву без моего повеления и учинил многую смуту, а жена умерла от Никона, потому что он выдал мужа ее, показав его письмо". Никон: "Я письма Зюзина прислал к великому государю, оправдывая себя, что приезжал по письмам, а не сам собою". Царь поднес патриархам зюзинское дело и говорил: "Никон приходил в Москву никем не званный и из соборной церкви увез было Петра-митрополита посох, а ребята его отрясали прах от ног своих: и то он какое добро учинил? и ребята его какие учителя, что так учинили?" "Ребята прах от ног своих как отрясали, того я не видал, - отвечал Никон, - а как приезжали за посохом в Чернево, то меня томили, а иных хотели побить до смерти". "До смерти побивать никого не было велено, и не биты", - возразил царь.

Читали: "Которые люди за меня доброе слово молвят или какие письма объявят, те в заточение посланы и мукам преданы: подьякон Никита умер в оковах, поп Сысой погублен, строитель Аарон сослан в Соловецкий монастырь". "Никита, - прервал царь, - ездил от Никона к Зюзину с ссорными письмами, сидел за караулом и умер своею смертью от болезни; Сысой - ведомый вор и ссорщик и сослан за многие плутовства; Аарон говорил про меня непристойные слова и за то сослан; допросите, кто был мучен?" Никон: "Мне об этом сказывали". Царь: "Ссорным речам верить было ненадобно и ко вселенским патриархам ложно не писать".

Читали: "Архиереи по епархиям поставлены мимо правил св. отец, запрещающих переводить из епархии в епархию". "Когда Никон, - сказал на это царь, - был на патриаршестве, то перевел из Твери архиепископа Лаврентия в Казань и других многих от места к месту переводил". Никон: "Я это делал не по правилам, по неведению". Питирим: "Ты и сам на Новгородскую митрополию возведен на место живого митрополита Авфония". Никон: "Авфоний был без ума; чтоб и тебе также обезуметь!"

"От сего незаконного собора, - продолжали читать в грамоте, - престало на Руси соединение с восточными церквами и от благословения вашего отлучились, от римских костелов начаток прияли волями своими". Царь: "Никон нас от благочестивой веры и от благословения св. патриархов отчел и к католической вере причел и назвал всех еретиками! только бы его, Никоново, письмо до св. вселенских патриархов дошло, то всем православным христианам быть бы под клятвою, и за то его ложное и затейное письмо надобно всем стоять и умирать и от того очиститься". "Чем Русь от соборной церкви отлучилась?" - спросили патриархи Никона. "Тем, - отвечал он, - что Паисий газский Питирима перевел из одной митрополии в другую и на его место поставил другого митрополита; и других архиереев с места на место переводили же; а ему то делать не довелось, потому что от иерусалимского патриарха он отлучен и проклят; да хотя б газский митрополит и не еретик был, то ему на Москве долго быть не для чего; я его митрополитом не почитаю, у него и ставленной грамоты нет; всякий мужик наденет на себя мантию - так он и митрополит! я писал все об нем, а не о православных христианах". Оправдание было слишком ничтожно; враги Никона торжествовали; отовсюду поднялся крик: "Он назвал еретиками всех нас, а не одного газского митрополита; надобно учинить об этом указ по правилам!" Никон увидал, куда завела его привычка употреблять сильные, необдуманые речи; но опять по привычке всегда во всем обвинять других, а не себя он обратился к государю и сказал: "Только б ты бога боялся, то так бы надо мною не делал".

Царь не отвечал ничего. Когда все успокоились, стали опять читать грамоту Никона к патриархам; читали жалобу его на поставление духовных по государеву указу, на тяжелые сборы с церковью и монастырями; царь объяснил дело. "Как прежде бывало во время междупатриаршества, - сказал он, - так делается и теперь насчет поставления духовных

лиц: возводят в степени архиереи собором. Если что из патриаршей казны взято, то взято взаймы; с архиереев и монастырей брались даточные люди, деньги и хлеб по прежнему обычаю; а он, Никон-патриарх, на строение Нового Воскресенского монастыря брал из домово́й казны большие деньги, которые взяты были с архиереев и монастырей вместо даточных людей; да он же брал с архиереев и монастырей многие подводы самовольством". Никон отвечал, что ничего никогда не брал. Когда прочли место о Мефодии Мстиславском, то царь сказал: "Епископ Мефодий послан в Киев не митрополитом, а блюстителем, и об этом писал я к константинопольскому патриарху". Относительно поведения Питирима отвечал сам обвиненный: "В божественных службах в соборной церкви я стоял и сидел, где мне следует, а не на патриаршеском месте: в неделю ваий действовал по государеву указу, а не сам собою". Никон: "Тебе действовать не довелось: то действие наше патриаршеское". Царь: "Как ты был в Новгороде митрополитом, то сам действовал; а в твое патриаршество в Новгороде, Казани и Ростове митрополиты действовали же". Никон: "Это я делал по неведению". Дошли и до стрешневской собаки. "Никон, - сказал при этом царь, - ко мне ничего не писал, а боярин Семен Лукьянович передо мною сказал с клятвою, что ничего такого не бывало". Духовенство свидетельствовало, что Никон проклял Стрешнева понапрасну без собора, а боярин Петр Михайлович Салтыков прибавил, что патриарх разрешил Стрешнева от клятвы и простил и грамоту к нему прощальную прислал. Никон не говорил ничего, но когда чтение грамоты кончилось, то он сказал царю: "Бог тебя судит; я узнал на избрании своем, что ты будешь ко мне добр шесть лет, а потом буду я возненавиден и мучен". Царь обратился к патриархам: "Допросите его, как он это узнал на избрании своем?" Никон на этот вопрос не отвечал ничего. Тут Иларион рязанский воспользовался случаем, чтоб упомянуть о других пророчествах Никона. "Он говорил, - начал Иларион, - что видел звезду метлою и от того будет Московскому государству погибель: пусть скажет, от какого духа он это уведал?" Никон: "И в прежнем законе такие знамения бывали, на Москве это и сбудется; господь пророчествовал на горе Элеонской о разорении Иерусалима за четыреста лет". Все утомились, особенно царь и Никон, стоявшие все время на ногах. Патриархи кончили заседание, велел Никону идти на подворье.

Между разными голосами, поднимавшимися против Никона на соборе, мы не слышали голоса Паисия Лигарида. Он даже почел за полезное для себя уклониться от развязки дела, в котором так сильно участвовал прежде, и подал царю просьбу: "Я пришел сюда не для того, чтоб спорить с Никоном или судить его, но для облегчения моей епархии от долга, на ней тяготеющего. Я принял щедрую милостыню твою, которой половину украд вор Агафангел: предаю его вечному проклятию как нового Иуду! Прошу отпустить меня, пока не съедется в Москву весь собор; если столько натерпелся я прежде собора, то чего не натерплюсь после собора? довольно, всемилостивейший царь! довольно! не могу больше служить твоей святой палате; отпусти раба своего, отпусти! как вольный, незванный пришел я сюда, так пусть вольно мне будет и отъехать отсюда в свою митрополию". Паисия не отпустили из Москвы, но он счел нужным для себя молчать во время споров с Никоном.

3 декабря было второе заседание без Никона. Царь объявил патриархам, что вчера, 2-го числа, он посылал Никону еду и питье, но тот не принял и сказал, что у него и своего есть много и будто он о том к нему, великому государю, не приказывал. "Никон делает все исступя ума своего", - отвечали патриархи. Когда подсудимый вошел, царь, опять сойдя со своего места, говорил патриархам речь, и все присутствующие били челом на Никона: "Бранясь с митрополитом газским, писал он в грамоте к константинопольскому патриарху, будто все православное христианство от восточной церкви отложилось к западному костелу, тогда как святая соборная восточная церковь имеет в себе спасителя нашего бога многоцелебную ризу и многих святых московских чудотворцев мощи и

никакого отлучения не бывало, держим и веруем по преданию св. апостолов и св. отец истинно: бьем челом, чтоб патриархи от такого названия православных христиан очистили". Тут царь и весь собор патриархам поклонились до земли. "Это дело великое, - отвечали патриархи, - за него надобно стоять крепко; когда Никон всех православных христиан еретиками назвал, то он и нас также назвал еретиками, будто мы пришли еретиков рассуждать, а мы в Московском государстве видим православных христиан; мы станем за это Никона-патриарха судить и православных христиан оборонять по правилам". Выставивши с такою торжественною обстановкою главный пункт обвинения против Никона, показавши, что не может быть примирения с пастырем, так жестоко оскорбившим паству, обвинившим ее в неправославии, для усиления впечатления представили патриархам самую важную улику на Никона, потрясавшую доверие к его словам, к его оправданиям: до сих пор Никон постоянно утверждал, что он не отказывался от патриаршества; теперь царь подал патриархам три письма, в которых Никон называл себя бывшим патриархом. Патриархи объявили: "В законах написано: кто уличится во лжи трижды, тому вперед верить ни в чем не должно; Никон-патриарх объявился во многих лжах, и ему ни в чем верить не подобает: кто кого оклеветал, подвергается той же казни, какая присуждена обвиненному им; кто на кого возведет еретичество и не докажет, тот достоин: священник низвержения, а мирской человек проклятия". Царь поднес письмо Никона о поставлении нового патриарха на его место. Патриархи продолжали: "Когда Теймураз был у царского стола, то Никон прислал человека своего, чтоб смуту учинить, а в законах написано: кто между царем учинит смуту, тот достоин смерти, и кто Никонова человека ударил, того бог простит, потому что подобает так быть". При этих словах антиохийский патриарх встал и осенил Хитрово, потом продолжал: "Архиепископа сербского Гавриила били Никоновы крестьяне в селе Пушкине, и Никон обороны не дал: да он же, Никон, в соборной церкви, в алтаре, во время литургии с некоторого архиерея снял шапку и бранил всячески за то, что не так кадило держал; он же, Никон, на ердань ходил в навечерии Богоявления, а не в самый праздник".

5 декабря - третье заседание собора в присутствии Никона. Еще до прихода последнего государь обратился к патриархам. "Никон, - сказал он, - приехал в Москву и на меня налагает судьбы божии за то, что собор приговорил и велел ему в Москву приехать не с большими людьми. Когда он ехал в Москву, то по моему указу у него взят малый (Шушера) за то, что он в девятилетнее время к Никону носил всякие вести и чинил многую ссору.

Никон за этого малого меня поносит и бесчестит, говорит: царь меня мучит, велел отнять малого из-под креста; если Никон на соборе станет об этом говорить, то вы, св. патриархи, ведайте; да и про то ведайте, что Никон перед поездкою своею в Москву исповедовался, приобщался и маслом освящался". Патриархи подивились гораздо. Когда Никон вошел, то патриарх Паисий начал говорить ему, что он отрекся от патриаршеского престола с клятвою и ушел без законной причины. "Я не отрекался с клятвою, - отвечал Никон, - я засвидетельствовался небом и землею и ушел от государева гнева и теперь иду, куда великий государь изволит, благое по нужде не бывает". Патриархи: "Многие слышали, как он отрекся от патриаршества с клятвою". Никон: "Это на меня затеяли; а если я негоден, то куда царское величество изволит, туда и пойду". Патриархи: "Кто тебе велел писаться патриархом Нового Иерусалима?" Никон: "Не писывал и не говаривал". Тут Иларион рязанский показал письмо его, где именно так было написано. Никон: "Рука моя, разве описался. Слышал я от греков, что на антиохийском и александрийском престолах иные патриархи сидят: чтоб государь приказал свидетельствовать, пусть патриархи положат Евангелие". Патриархи: "Мы патриархи истинные, не изверженные и не отрекались от престолов своих; разве турки без нас что сделали; но если кто дерзнул на наши престолы незаконно, по принуждению султана, тот не патриарх, прелюбодей; а св. Евангелию быть

не для чего, архиерею не подобает Евангелием клясться". Никон: "От сего часа свидетельствуюсь богом, что не буду перед патриархами говорить, пока константинопольский и иерусалимский сюда будут". Иларион рязанский: "Как ты не боишься суда божия и вселенских-то патриархов бесчестишь!" Патриархи, обратясь к собору: "Скажите правду про отрицание Никоново с клятвою!" Питирим новгородский и Иоасаф тверской показали, что Никон отрекся и говорил: если буду патриарх, то анафема буду. Никон: "Я назад не поворачиваюсь и не говорю, что мне быть на престоле патриаршеском; а кто по мне будет патриарх, тот будет анафема; так я и писал к государю, что без моего совета не поставлять другого патриарха. Я теперь о престоле ничего не говорю; как изволит великий государь и вселенские патриархи". Патриархи велели читать правила амасийскому митрополиту по-гречески, а по-русски читал Иларион рязанский. Читали: "Кто покинет престол волею, без наветов, тому впредь не быть на престоле". Никон: "Эти правила не апостольские, и не вселенских соборов, и не поместных, я этих правил не принимаю и не внимаю". Павел крутицкий: "Эти правила приняла церковь". Никон: "Их в русской Кормчей нет, а греческие правила не прямые, их патриархи от себя написали, а печатали их еретики; а я не отрекался от престола, это на меня затеяли". Патриархи: "Наши греческие правила прямые!" Тверской ирхиепископ Иоасаф: "Когда он отрекался с клятвою от патриаршеского престола, то мы его молили, чтоб не покидал престола: но он говорил, что раз отрекся и больше не будет патриархом, а если возвратится, то будет анафема". Никон по-прежнему отвергал это показание. Тут встал Родион Стрешнев и объявил: "Никон говорил, что обещал быть на патриаршестве только три года". Никон: "Я не возвращаюсь на престол; волен великий государь". Алмаз Иванов: "Никон писал государю, что ему не подобает возвратиться на престол, яко псу на своя блевотины". Никон отперся и прибавил: "Не только меня, и Златоуста изгнали несправедно"; потом, обратясь к царю, сказал: "Когда на Москве учинился бунт, то и ты, царское величество, сам неправду свидетельствовал, а я, испугавшись, пошел от твоего гнева". Царь: "Непристойные речи, бесчестя меня, говоришь: на меня никто бунтом не прихаживал, а что приходили земские люди, и то не на меня, приходили бить челом мне об обидах". Со всех сторон поднялись крики: "Как ты не боишься бога непристойные речи говорить и великого государя бесчестить!" Патриархи: "Для чего ты клобук черный с херувимами носишь и две панагии?" Никон: "Ношу черный клобук по примеру греческих патриархов; херувимов ношу по примеру московских патриархов, которые носили их на белом клобуке; с одною панагиею с патриаршества сошел, а другая - крест, в помощь себе ношу". Архиереи: "Когда отрекся от патриаршества, то белого клобука с собою не взял, взял простой монашеский, а теперь носишь с херувимом". Антиохийский патриарх: "Знаешь ли, что антиохийский патриарх судья вселенский?" Никон: "Там себе и суди; в Александрии и Антиохии ныне патриархов нет: александрийский живет в Египте, антиохийский в Дамаске". Патриархи: "Когда благословили вселенские патриархи Иова-митрополита московского на патриаршество, в то время где они жили?" Никон: "Я в то время не велик был". Патриархи: "Слушай правила святые". Никон: "Греческие правила не прямые, печатали их еретики". Патриархи: "Приложи руку, что наш номоканон еретический, и скажи именно, какие в нем ереси?" Никон отказался это сделать. Патриархи: "Скажи, сколько епископов судят епископа и сколько патриарха?" Никон: "Епископа судят 12 епископов, а патриарха вся вселенная". Патриархи: "Ты один Павла-епископа низверг не по правилам". Царь: "Верить ли всем вселенским патриархам? они подписались своими руками, что антиохийский и александрийский пришли по их согласию в Москву". Никон посмотрел на подписи и сказал: "Рук их не знаю". Антиохийский патриарх: "Истинные то руки патриаршеские!" Никон - антиохийскому: "Широк ты здесь; как-то ты ответ дашь пред константинопольским патриархом!" Голоса с разных сторон: "Как ты бога не боишься, великого государя бесчестишь и вселенских патриархов и всю истину во лжу ставишь!" Патриархи велели взять у Никона крест, который перед ним носили, на том основании, что ни у одного патриарха нет такого

обычая, а Никон взял от латынников. Начался опять спор об отречении; наконец патриархи сказали: "Написано: по нужде и дьявол исповедует истину, а Никон истины не исповедует". Произнесли приговор: "Отселе не будешь патриарх и священная да не действуешь, но будешь яко простой монах".

8 декабря патриархи сидели у государя наедине три часа. 12 декабря они собрались с духовенством в крестовой патриаршей и послали просить государя, чтоб отрядил к ним кого-нибудь из синклита; царь прислал князя Никиту Ивановича Одоевского, боярина Петра Михайловича Салтыкова, думного дворянина Елизарова, думного дьяка Алмаза Иванова. Никон дождался в сенях перед крестовою. Патриархи отправились в церковь, которая была на воротах Чудова монастыря, и стали на своих мостах в саккосах, другие архиереи в саккосах же стояли по чину. Позвали Никона; он вошел, помолился иконам, поклонился патриархам дважды в пояс и стал по левую сторону западных дверей. Начали читать выписку из соборного деяния по-гречески и по-русски; когда чтение кончилось, патриархи сошли с своих мест, стали у царских дверей, позвали Никона к себе и перечислили его вины, которые состояли в следующем: "Проклинал российских архиереев в неделю православия мимо всякого стязания и суда; покинутием престола заставил церковь вдовствовать восемь лет и шесть месяцев: ругаясь двоим архиереям, одного называл Анною, другого Каиафою; из двоих бояр одного называл Иродом, другого Пилатом; когда был призван на собор, по обычаю церковному, то пришел не смиренным обычаем и не переставал порицать патриархов, говоря, что они не владеют древними престолами, но скитаются вне своих епархий, суд их уничижил и все правила средних и поместных соборов, бывших по седьмом вселенском, всячески отверг; Номоканон назвал книгою еретическою, потому что напечатан в странах западных; в письмах к патриархам православнейшего государя обвинил в латинстве, называл мучителем неправедным, уподоблял его Иеровоаму и Осии, говорил, что синклит и вся российская церковь приклонились к латинским догматам: но порицающий стадо, ему врученное, не пастырь, а наемник; архиерея один сам собою низверг; по низложении с Павла, епископа коломенского, мантию снял и предал на лютое биение, архиерей этот сошел с ума и погиб безвестно, зверями ли заеден, или в воде утонул, или другим каким-нибудь образом погиб; отца своего духовного повелел без милости бить, и патриархи сами язвы его видели; живя в монастыре Воскресенском, многих людей, иноков и бельцов, наказывал не духовно, не кротостию за преступления, но мучил мирскими казнями, кнутом, палицами, иных на пытке жег". Когда вины были объявлены, патриарх александрийский снял с Никона клобук и панагию и сказал ему, чтоб вперед патриархом не назывался и не писался, назывался бы просто монахом Никоном, в монастыре жил бы тихо и безмятежно и о своих согрешениях молил всемилостивого бога. "Знаю я и без вашего поучения, как жить", - отвечал Никон. "А что вы клобук и панагию с меня сняли, то жемчуг с них разделите по себе, достанется вам жемчугу золотников по пяти и по шести, да золотых по десяти. Вы султанские невольники, бродяги, ходите всюду за милостынею, чтоб было чем заплатить дань султану; откуда взяли вы эти законы? зачем вы действуете здесь тайно, как воры, в монастырской церкви, в отсутствие царя, думы и народа? при всем народе упросили меня принять патриаршество; я согласился, видя слезы народа, слыша страшные клятвы царя; поставлен я в патриархи в соборной церкви, пред всенародным множеством; а если теперь захотелось вам осудить нас и низвергнуть, то пойдем в ту же церковь, где я принял пастырский жезл, и если окажусь достойным низвержения, то подвергните меня чему хотите". Ему отвечали, что все равно, в какой бы церкви ни было произнесено определение собора, лишь было бы оно по совету государя и всех архиереев. На Никона надели простой клобук, снятый с греческого монаха; но архиерейского посоха и мантии у него не взяли, страха ради народного, но одним известиям, по просьбе царя - по другим.

Местом заточения для низверженного патриарха назначен был Ферапонтов Белозерский монастырь, куда отправились с ним два священника черных, два дьякона, один простой монах и два бельца. Садясь в сани, Никон стал говорить, обращаясь к самому себе: "Никон! отчего все это тебе приключилось? не говори правды, не теряй дружбы! если бы ты давал богатые обеды и вечерял с ними, то не случилось бы с тобою этого". Никона везли из Чудова монастыря под прикрытием ратных людей, но толпа народа следовала за ним. Позади саней шел спасоярославский архимандрит Сергей, и, когда Никон начинал что-нибудь говорить, Сергей кричал: "Молчи, Никон!" Тот обратился к своему прежнему эконому: "Скажи Сергию, что если он имеет власть, то пусть придет и зажмет мне рот". Эконом исполнил поручение, причем назвал Никона святейшим патриархом. "Как ты смеешь, - закричал Сергей, - называть патриархом простого чернеца!" В ответ послышался голос из толпы: "Что ты кричишь! имя патриаршеское дано ему свыше, а не от тебя гордого". Сергей обратился к стрельцам с требованием, чтоб схватили дерзкого; ему отвечали, что он уже схвачен и отведен куда следует. Никон ночевал на земском дворе. На другой день, 13 декабря, назначен был выезд; царь прислал Никону денег и шубу на дорогу: тот не взял: царь просил благословения себе и всему семейству своему: Никон не дал благословения. Народ стал собираться в Кремль; ему сказали, что Никона повезут по Сретенке; но когда толпы отхлынули в Китай, Никона повезли по другой дороге. Наблюдать за Никоном был послан нижегородского Печерского монастыря архимандрит Иосиф.

21 декабря Никон был уже в Ферапонтове; первым делом Иосифа было потребовать от него архиерейскую мантию и посох; Никон отдал безо всякого возражения; просил только, чтоб монахов и бельцов, которые с ним приехали, пускать по воле всюду, куда они ни захотят. На смену Иосифу нижегородскому отправился другой Иосиф, архимандрит новоспасский, которому дан был наказ: "Беречь, чтоб монах Никон писем никаких не писал и никуда не посылал; беречь накрепко, чтоб никто никакого оскорбления ему не делал; монастырским ему владеть ничем не велеть, а пищу и всякий келейный покой давать ему по его потребе". Но этот наказ не мог быть легко исполнен относительно ферапонтовского заточника. Никон по своей природе не мог оставаться в покое и оставлять других в покое; значение патриарха было слишком велико на Руси; Никон, и будучи в Москве, и будучи в Воскресенском монастыре, наделал слишком много шума, произвел слишком сильное впечатление, которое не теряло этой силы по мере отдаления от главной сцены действия; русские люди того времени так легко подчинялись влиянию лица, умевшего внешними средствами выставить права, хотя бы даже мнимые, хотя бы даже исчезнувшие; наконец, сам царь Алексей Михайлович, по природе своей, не давал Никону успокоиться, сам поддерживал в нем мечты о возможности перемены, сам поддерживал в нем притязания на значение, высшее того, какое оставил при нем собор. Сильно раздраженный письмом Никона к патриархам, Алексей Михайлович схватился враждебно на соборе с прежним своим собиным приятелем, когда увидел его лицом к лицу, также гневного, по-прежнему гордого, неуступчивого, скорого на обиду. Но когда дело кончилось, приговор был произнесен - и вместо святейшего патриарха, великого государя Никона, в воображении царя явился бедный монах Никон, ссыльный в холодной пустыни Белозерской, гнев прошел, прежнее начало пробуждаться, Алексей Михайловичу стало жалко, ему стало страшно... В религиозной душе царя поднимался вопрос: по-христиански ли поступил он? не должен ли он искать примирения с Никоном, хотя и не был вправе изменять приговора соборного? Мы видели, как он перед отъездом Никона в Ферапонтов послал просить у него благословения; потом, когда в 1667 году на перемену приставу Шепелеву послан был из Москвы в Ферапонтов новый пристав, Наумов, то царь поручил ему также просить у Никона себе благословения и прощения. Но Никон не понял или не хотел понять побуждений, руководивших царем в этом случае; не в его характере было сообразоваться с христианскою заповедью о прощении врагов, о примирении с

братом прежде приступления к алтарю; он хотел воспользоваться совестливостью царя в этом отношении для улучшения своей участи: "Ты боишься греха, просишь у меня благословения, примирения; но я даром тебя не благословлю, не помирюсь; возврати из заточения, так прощу". "Когда перед моим выездом из Москвы, - писал Никон царю, - ты присылал Родиона Стрешнева с милостынею и с просьбою о прощении и благословении, я сказал ему - ждать суда божия. Опять Наумов говорил мне те же слова, и ему я то же отвечал, что мне нельзя дать просто благословения и прощения: ты меня осудил и заточил, и я тебя трикратно проклял по божественным заповедям, паче Содомы и Гоморры: в первый раз, как уходил с патриаршества ради гнева твоего, выходя из церкви, отряс прах от ног своих; во второй раз, как приходил перед Рождеством и был изгнан - во всех воротах городских отрясал прах; в третий раз, как был у тебя в столовой в другой раз, выходя, стал посреди столовой и, обратясь к тебе, отрясая прах ног, говорил: кровь моя и грех всех буди на твоей главе!"

С этой же целью - напугать царя Никон в Ферапонтове вздумал повторить то же, что он сделал в Москве во время суда над ним. 6 марта 1667 года является к Наумову монах и говорит ему от имени Никона: "Пошли за всякими запасами в Воскресенский монастырь, а государевых запасов принимать и есть мы не хотим, потому что Никон-патриарх на государя гневается, государь его сослал в ссылку, а не вселенские патриархи, и за это нам государева подаяния принимать и есть нельзя". "Как ты смеешь называть Никона патриархом!" - сказал Наумов монаху. "Тебя я не слушаю, - отвечал тот, - а Никона и впредь буду называть патриархом и под благословение ходить: слышали мы и то, что теперь поставлен новый патриарх, Иосаф, и то непрямой патриарх, и вселенские патриархи не прямые, отставные и нанятые, просили они у нашего Никона-патриарха посулу 3000 и говорили: ты у нас по-прежнему будешь патриарх; Никон 3000 им не дал, и они, за то на него осердясь, и отставили". Еще более придал духа Никону приезд стряпчего Ивана Образцова в июле 1667 года. Видя, что Наумов слишком строго держит заточника, Образцов посадил Наумова в сторожку, где тот и сидел часа с три. Никон сердился и говорил: "Степан мучил меня тридцать недель, а его посадили только на три часа". Наумов пришел к нему просить прощения, кланялся и говорил: "Я человек невольный: как мне приказано, так и делал". Никон за эти слова его простил, и с тех пор началась у них дружба. Пристав начал приходить к Никону и рассказывать всякие вести из Москвы. Оба - и пристав и заточник с одинаковою легкостью верили всяким слухам: так, однажды люди Наумова, возвратясь из Москвы, рассказывали, что Никону быть папою. Наумов испугался, начал Никона патриархом звать и под руки водить; толковал: "Дай государю благословение и прощение, а государь тебе ни за что не постоит, голова моя в том!"; рассказывал, будто государь, отпуская его в Ферапонтов, наказывал умаливать Никона о благословении и прощении; а когда он запросил наказа на письме, то Алексей Михайлович рассердился и сказал: "Что ж мне тебе запись дать, чтоб ты ее с женою дома читал, а словам моим не веришь!" С 23 июля начали к Никону приезжать всяких чинов люди, из городов посадские, с Белоозера земской избы староста да кружечного двора голова, каргопольцы, из разных монастырей монахи, из девичья Воскресенского монастыря игуменья Марфа; все эти гости подходили к Никону под благословение, целовали его руку, величали патриархом, сидели у него в келье с утра до вечера; в девичий монастырь за монахинями Никон посылал на монастырских подводах, стал владеть всем монастырем и монастырскою вотчиною; на представления Наумова отвечал с сердцем: "Не указал тебе государь ни в чем меня ведать". Из старых вотчин его, из села Короткова и из села Богословского, начали приезжать монахи и крестьяне с челобитьями об указе и привозили деньги. Наумов, по наказу, запрещал давать Никону бумагу и чернила; тот дразнил его: "Ты мне запрещаешь давать бумаги и чернил, а я с Москвы с собою привез четыре чернильницы и бумагу, вот смотри!" - и показывал бумаги дестей с восемь. Архимандрит Иосиф и ферапонтовский игумен Афанасий увлеклись

общим примером, начали Никона называть патриархом, целовать в руку, поминать на ектениях по-прежнему; Иосиф дурно отзывался о новом патриархе Иоасафе; Никону это очень нравилось и он дарил Иосифа сукнами и шубами.

Но почет, оказываемый в Ферапонтове, не мог утешить Никона, который жаждал возвращения из ссылки, а об этом возвращении не было слуху. В августе пришел указ из Москвы - взять и сослать служку Яковлева за то, что он, не спросясь с Наумовым, ездит всюду по поручению Никона. Никон, по своему обычаю, вспылал, называл Наумова вором, царскую грамоту ложною, кричал: "Это все делает Дементий Башмаков без государева указа!" Покричавши, наконец выдал служку. Этот случай показал ему, что в Москве не только не думают о его возвращении, но даже и о смягчении наказа пристава. Никон попробовал, нельзя ли уступчивостью получить то, что прежде хотел взять жесточью, угрозою. Прежде он отказывал дать царю благословение и прощение, требуя, чтоб царь сперва возвратил его из ссылки; теперь он посылает благословение и прощение в надежде, что следствием этого будет возвращение из Ферапонтова. Он призвал Наумова и спросил: "Какой с тобою ко мне приказ от великого государя?" Наумов повторил, что государь приказывал просить его о благословении и прощении. Тогда Никон отдал ему письмо для отсылки к государю: "Великому царю государю и великому князю богомолец ваш смиренный Никон, милостию божиею патриарх, бога моля, челом бью. В нынешнем 176 (1667) году сентября 7 приходил ко мне Степан Наумов и говорил мне вашим государским словом, что велено ему с великим прощением молить и просить о умирении, чтоб я, богомолец ваш, тебе, великому государю, подал благословение и прощение, а ты меня, по своему государскому рассмотрению, милостию своею пожалуешь. И я тебя, царицу, царевичей и царевен благословляю и прощаю, а когда ваши государские очи увижу, тогда вам, государям, со святым молитвословием наипаче прощу и разрешу, яко же св. Евангелие наказует и деяния св. апостол всюду с возложением рук прощение и цельбу творить".

Но прошел год - из Москвы ответа не было; Никон вышел из терпения и решился напомнить о себе другим способом. В октябре 1668 года явился в Москву от него монах Флавиан и подал царю письмо: "Иже жив сый привременный с нисходящими в ров, седяй во тьме и сени смертной, окован нищетою паче желез, богомолец ваш смиренный Никон, милостию божиею патриарх. Извещаю вам, великим государям, за собою великое ваше слово, а писать тебе нельзя, боюсь изменников твоих: послыша такое твое большое дело, меня изведут, а твое дело погаснет без вести. Пристав Степан Наумов, приходя, сказывал мне милость твою с часу на час, со дня на день, с месяца на месяц: но твоя милость удалась от меня, зане прогневал ярость твою, и я, видя, что дело твое замедлилось, 7 сентября призывал к келье новоспасского архимандрита Иосифа, стрелецкого сотника Саврасова, ферапонтовского игумена, келаря и всех стрельцов и сказывал твое великое слово, чтоб архимандрит и сотник дали мне подводу и провожатых добрых, с кем бы мне к тебе с этим великим делом отпустить своего человека, и дело им объявил твое безголовное, что на Москве изменники твои хотят тебя очаровать или очаровали. Архимандрит, сотник и стрельцы согласились; но изменник келарь Макарий начал кричать: "Нам через государев указ подвод давать нельзя". Я сотнику и стрельцам велел взять моих лошадей и велел к тебе писать, что от меня слышали; но келарь для письма подъячего не дал; я говорил сотнику, чтоб ехал он сам и без письма; сотник хотел ехать, но Степан Наумов прислал человека своего: холоп, прибежав на монастырь, кричал, что Степан не велел никого отпускать и лошадей давать; приехал и сам Степан на конюший двор с ослопом, сотника и стрельцов хотел бить, лошадей всех взял к себе в руки и никому не дал, кричал: "Увижу, кто поедет! что он меня страшит! я не малый ребенок; у меня есть великое дело и на самого патриарха, и мне это дело надобно отпустить". Я говорил, чтоб сотник и стрельцы шли пешком в Кириллов; но Степан и в Кириллов

пускать их не велел, кричал: "Моя в том голова!", но ведь его голова перед твоею очень недорога! На другой день отпустил он в Москву человека своего Андриюшку да вора стрельца Якимка, а меня велел заковать и около кельи поставить семь караулов".

20 октября бояре, в присутствии царя, допрашивали старца Флавиана, в чем состоит великое дело, с которым прислал его Никон? Флавиан объявил: "В Петров пост пришел в Ферапонтов монастырь из Москвы Воскресенского монастыря черный поп Палладий и сказал Никону, что был он в Москве, на Кирилловском подворье, и сказывал ему черный поп Иоиль про окольного Федора Ртищева; говорил Ртищев Иоиллю: "Сделай то, чтоб мне у великого государя быть первым боярином". Иоиль окольному сказал: "Мне сделать этого нельзя, а есть у тебя во дворе жонка цыганка, которая умеет эти дела делать лучше меня". Ртищев отвечал: "Жонке говорить об этом нельзя, потому что она хочет за меня замуж". Но вслед за Флавием Никон прислал письмо, в котором также излагал речи Палладия, но вместо Ртищева являлся тут боярин Богдан Матвеевич Хитрово с жонкою-литовкою; в письме Никона Иоиль говорил Палладию: "Никон меня не любит, называет колдуном и чернокнижником; а за мною ничего того нет, только я умею звездочетие, то у меня гораздо твердо учено; меня и вверх государь брал, как болела царевна Анна, и я сказал, что ей не встать, что и сбилось, и мне государь указал жить в Чудове, чтоб поближе; мне и Богдан Хитрой друг и говорил мне, чтоб я государя очаровал, чтоб государь больше всех его, Богдана, любил и жаловал, и я, помня государеву милость к себе, ему отказал, и он мне сказал: "Нишкни же!", и я ему молвил: "Да у тебя литовка то умеет; здесь, на Москве, нет ее сильнее". И Богдан говорил: "Это так, да лихо запросы велики, хочет, чтоб я на ней женился, и я бы взял ее, да государь не велит".

Призвали к допросу Иоиля: тот объявил, что приходил к Палладию лечить его, но ни об чем другом с ним не разговаривал, а у Хитрова никогда и на дворе не бывал. Призвали Палладия: тот объявил, что лечился у Иоиля, но ни о чем с ним не говаривал и в Ферапонтове Никону ни о чем не сказывал: "Вольно старцу Никону меня поклепать, он затевать умеет. В то время как я жил в Ферапонтове монастыре, приезжал стряпчий Иван Образцов и привез Никону государева жалованья 500 рублей, да старцам, которые с ним, 200 рублей; Никон им этих денег не дал: я об этом с старцами поговорил, и Никон, узнавши, велел меня из Ферапонтова выбить дубьем". Иоиля обыскали и нашли книги: одна книга латинская; одна по-латыни и по-польски; книга печатная счету звездарского, печатана в Вильне и 1586 году: книга письменная с марта месяца во весь год лунам и дням, и планитам и рождениям человеческим в месяцах и в звездах: тетрадь письменная о пускании крови жильной и рожечной: записка, кого Иоиль излечил, и те люди приписывали руками своими.

В ноябре отправился в Ферапонтов стрелецкий голова Лутохин: он должен был рассказать Никону все дело, как найдена разница между его письмом и изветом Флавиана: в одном Хитров, в другом Ртищев, и объявить, что Иоиль не винится. Лугохин должен был также спросить Никона: в келию воду сам он носит и дрова рубит своею ли волею или поневоле? Никон отвечал: "Я приказывал Флавиану известить о Хитрове, а не о Ртищеве, да и не пристало про Федора Михайловича тому быть, потому что он человек женатый; Флавиан ослышался. Я не задержал Палладия и не отправил к государю потому, что надеялся вскоре сам государевы очи видеть: сказывал мне Наумов, что меня великий государь пожалует, велит взять в Москву скоро, выманил у меня Наумов великому государю и его дому благословение и прощение тем, что государь меня пожалует, велит из Ферапонтова освободить и все мои монастыри отдать. Терпел я после того договора год два месяца в заточении и никаких клятвенных слов не говорил; вперед еще мало потерплю, а если по договору ко мне государской милости не будет, то я по-прежнему ничего государева принимать не стану и перед богом стану плакать и говорить те же слова, что прежде

говорил с клятвою". Лутохин: "Дай мне росписи тому, чего тебе не дают из кушанья?" Никон: "Что мне росписи давать! у меня никогда, кроме шей да квасу худого, ничего не бывает, морят меня с голоду". Лутохин справился; Наумов и монастырские власти показали, что у Никона никогда без живой рыбы и без пива не бывало; показали и садки, где для него рыба, стерляди и щучки, язи, окуни и плотва. Но Никон сказал, что этой рыбы есть нельзя, иссиделась; что дрова и воду сам носил за безлюдством, а теперь не носит. Лутохину показали кресты, которые водрузил Никон в разных местах с надписями: "Никон, божиею милостию патриарх, поставил сии крест Христов, будучи в заточении в Ферапонтове монастыре".

Но в то время как Никон объявлением великого государева дела про Хитрово хотел показать свое усердие и проложить себе дорогу к возвращению из ссылки, про него самого объявилось великое государственное дело, давшее новое блистательное торжество Хитрово с товарищами и отяготившее участь заточника. Из Ферапонтова приехал архимандрит Иосиф и донес: "Весною 1668 года были у Никона воры, донские козаки; я сам видел у него двоих человек, и Никон мне говорил, что это донские козаки, и про других сказывал, что были у него в монашеском платье, говорили ему: "Нет ли тебе какого утеснения: мы тебя отсюда опростаем". Никон говорил мне также: "И в Воскресенском монастыре бывали у меня донские козаки и говорили: если захочешь, то мы тебя по-прежнему на патриаршество посадим, сберем вольницу, боярских людей". Никон сказывал мне также, что будет о нем в Москве новый собор по требованию цареградского патриарха: писал ему об этом Афанасий иконийский". Монах Пров донес, что Никон хотел бежать из Ферапонтова и обратиться к народу с жалобой на напрасное заточение.

Афанасия иконийского сослали в Макарьев монастырь на Унжу; Никона затворили в келье.

Кончина царицы Марии Ильиничны опять напомнила царю о старом собинном приятеле. Он отправил в Ферапонтов близкого человека, Родиона Матвеевича Стрешнева, с деньгами Никону на помин души царицыной. Никон не взял денег. Но это было последнее проявление твердости с его стороны. Летом 1671 года он попытался напомнить о себе, выставить свое достоинство, прозорливость и заслугу для государства; он призвал пристава, князя Шайсупова, который заменил Наумова, и начал ему говорить: "Когда приезжал ко мне от государя с милостынею по царице Родион Матвеевич Стрешнев, то я ему о преставлении царевича Алексея Алексеевича и о разорении козацком, чему быть, назначил, а мне это было объявлено от господ бога; да и впредь, если вселенских и московского патриархов на весь православный российский народ безрассудная запретительная клятва не снимется, добра ждать нечего; обо всем этом писал я к великому государю. При Степане Наумове в Ферапонтов монастырь приходили три человека козаков, Федька да Евтюшка, а третьего позабыл, как звали, которые прежде были на службе с князем Юрием Алексеевичем Долгоруким, сказались, будто они идут богу молиться в Соловецкий монастырь, а они не богомольцы, не в Соловецкий шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня с собою, пришло их двести человек; Степана Наумова хотели убить до смерти, Кириллов монастырь разорить и с казною его, запасами и пушками хотели идти на Волгу; но я на ту их воровскую прелесть не подался, во всем отказал, от воровства их унял и с клятвою им приказывал, чтоб великому государю вины свои принесли, и они пропали неведомо куда".

Шайсупов, разумеется, немедленно дал знать об этом разговоре в Москву. Ответа не было. Тогда Никон решился сделать третий, последний шаг для получения свободы: сначала он угрозою хотел вынудить у царя возвращение из ссылки, обещал дать

благословение и прощение царю только под условием освобождения из Ферапонтова; потом сам послал прощение и благословение в надежде, что за этим немедленно последует освобождение; наконец теперь решился сам просить прощения у царя в прежнем своем поведении. 25 декабря 1671 года он отправил к государю такое письмо: "В прошлом 160 году божиею волею и твоим, великого государя, изволением и всего освященного собора избранием был я поставлен на патриаршество не своим изволом; я, ведая свою худость и недостаток ума, много раз тебе бил челом, что меня с такое великое дело не станет, но твой глагол превозмог. По прошествии трех лет бил я тебе челом отпустить меня в монастырь, но ты оставил меня еще на три года; по прошествии других трех лет опять я тебе бил челом об отпуске в монастырь, и ты милостивого указа не учинил. Я, видя, что мне челобитьем от тебя не отбыть, начал тебе досаждать, раздражать тебя и с патриаршего стола сошел в Воскресенский монастырь. Ты, подражая небесному отцу в щедротах, и в Воскресенском монастыре милостию своею меня не забыл, пироги именинные и милостыню присылал, а я твою милость с презорством принимал и все это делал нарочно, чтоб ты меня забыл. Случилось мне однажды в Воскресенском монастыре заболеть: ты, узнавши об этом, прислал ко мне Афанасия Матюшкина с обещаниями и утешительными словами, что не оставишь меня до смерти; я этой милости не очень порадовался, а потом, наветами врагов моих. Романа Бабарыкина, Ивана Сытина и других, возросла между нами великая смута; они же меня обидели, они же тебе на меня и наклеветали. Да у меня же в Воскресенском монастыре были два жида крещеных, и, оставя православную веру, начали они старую жидовскую держать и молодых чернецов развращать; я, сыскав об этом подлинно, велел жида Демьяна посмирить и сослать в Иверский монастырь, а Демьян другому жида, Мишке, сказал: не пробывать и тебе без беды, беги в Москву и скажи за собою государево слово: тот так и сделал: ты по этому делу присылал ко мне думного дьяка Дементия Башмакова, а в это время молодые чернецы, бывшие в жидовской ереси, покрали у меня деньги, платье и тем жидам помогали, да им же помогал архимандрит чудовский потому: был он у меня в Воскресенском и в Иверском монастырях строителем долгое время и не считан, а как захотел я его считать, то он ушел в Москву, добрыми людьми тебе одобрен, и ты начал жаловать его знать. Когда ты послал Мелетия к восточным патриархам, то я, ведая лукавство, убоюсь тамошнего осуждения, писал к патриархам; но от тебя мое письмо не утаилось, как от ангела божия, и в том прощения прошу себе и прочим, которые тому делу повинны, родшегося ради Христа бога, остави! Да ты же созвал собор и на соборе, подойдя ко мне, говорил: "Мы тебя позвали на честь, а ты шумишь!", и я тебе говорил, чтоб ты мою грамоту не велел читать на соборе, а переговорил бы наедине, и я бы все сделал по твоей воле; ты так не соизволил, и я поневоле, соображаясь с своими писанными словами, говорил тебе прекословно и досадно; в том прощения прошу. Да ты же присылал ко мне на Лыков двор стол такой же, какой был и патриархам, и я твое жалованье отринул и тем тебя обесчестил: господу ради, прости. Да ты же прислал с Родионом Матвеевичем Стрешневым денег и мехов, я, грешный, и того не принял: Христова ради Рождества, прости. Ради всех этих моих вин отвержен я в Ферапонтов монастырь шестой год, а как в келье затворен - тому четвертый год. Теперь я болен, наг и бос, и креста на мне нет третий год, стыдно и в другую келию выйти, где хлебы пекут и кушанье готовят, потому что многие части зазорные не покрыты; со всякой нужды келейной и недостатков оцынжал, руки больны, левая не подымается, на глазах бельма от чада и дыма, из зубов кровь идет смердящая, и не терпят ни горячего, ни холодного, ни кислого, ноги пухнут, и потому не могу церковного правила править, а поп один, и тот слеп, говорить по книгам не видит; приставы ничего ни продать, ни купить не дадут, никто ко мне не ходит, и милостыни просить не у кого. А все это Степан Наумов навел на меня за то, что я ему в глаза и за глаза говорил о неправдах его, что многих старцев, слуг и крестьян бил, мучил и посулы брал; я его мучителем, лихоимцем и дневным разбойником называл, а он за то затворил меня в келие с 9 мая до Ильина дни насмерть и запасов давать

никаких не велел, я воду носил и дрова сек сам. До тебя это дошло, и ты прислал Ивана Образцова с милостивым указом; он поосвободил нас, но Степану никакого наказания не учинил, как было велено, только в хлебной избе часа на два посадил. А Степан, немного спустя, начал мучить меня пуще прежнего: служка мой ходит к нему раз десять для одного дела, все времени нет! а если выглянет в окно, с шумом говорит: "Я в монастыри писал, чтоб прислали запасное, но они не слушают, а у меня указа нет, что на них править; пора прихоти оставить, ешь что дадут". Когда ты прислал Родиона Матвеевича Стрешнева с вестию о кончине царицы и милостынею по ней и просил, чтоб я ее простил и поминал вечно, то я Родиону сказал, что господь бог простит, а поминать государыню рад за многую ее милость прежнюю, денег же не взял для того, что я у вас, государей, не наемник, за вашу милость должен и так бога молить, как и молю: Родион мне говорил: "Возьми теперь государево жалованье, будет к тебе большая присылка, а потом все доброе будет". Я ему сказал: если государева милость будет, тогда и деньги не уйдут, а ты этому доброму делу будь ходатай, а иное, ей, от великой скорби по государыне царице и по детках ваших, обеспамятовался и в том прощения прошу, а по государыне царице во всю Четыредесятницу псалтырь и канон пел и поминаю доднесь незабытно. Когда к Степану весть пришла, что сына твоего, царевича Алексея, не стало, то девка его пришла в другую избу и говорила: ныне на Москве кручина, а у нашего боярина радость, говорит: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надеялся, и того не стало, кротче будет. А теперь князь Самойла Шайсунов делает все по Степанову ж. Прошу тебя: ослаби ми мало да почию прежде даже не отъиду, прошу еже жити ми в дому господни во вся дни живота моего".

Письмо достигло цели. Алексей Михайлович всегда готов был отозваться на кроткий призыв старого собинного приятеля. Немедленно по получении письма, в январе 1672 года, поскакал в Ферапонтов Ларион Лопухин. "Тебе, святому и великому отцу, указал государь говорить, - начал свою речь царский посланный, - с начала дела соборного и до соборного деяния всегда он, государь, желал умирения, но этого не учинилось, потому что хотел ты в Московском государстве учинить новое дело против обычая вселенских патриархов, как они сходили с престолов. А теперь государь всякие враждотворения паче прежнего разрушить и во всем примирения с любовию желает и сам прощения просит. Государь велел тебе говорить, что ничего того не бывало, что ты в письме написал про разговор свой с ним на соборе: ты перед государем не шумливал, государь тебя не унимал, и, чтоб грамоту прочесть наедине, о том ты не говаривал; шумно было про статьи, которые писаны в грамоте твоей неправдою, да за книги, которые ты по совету с государем исправил, а после сам укорял напрасно, досадных же никаких слов не бывало, изволь помятовать. Послан ты в Ферапонтов монастырь вселенскими патриархами и собором, а не государем; дворянин и стрельцы посланы с тобою для твоего бережения, а не для утеснения; если же Степан Наумов какое тебе утеснение чинил, то он делал собою, а не по государеву указу, и про это приказал государь сыскать. Родион Матвеевич допрашиван и с клятвою извещал, что он тебе говорил упорно, чтоб ты деньги принял и государыню поминал, а других никаких слов, что в письме твоём написано, он не говаривал. Объяви, кто на Вологде хотел начать кровопролитие: вор Ильюшка шел из Галича от тех мест недалеко; да и вор Стенька Разин в расспросе говорил, что приезжал к нему под Симбирск старец от тебя и говорил, чтоб он шел вверх Волгою, а ты с своей стороны пойдешь, потому что тебе тошно от бояр, которые переводят государские семена, а у тебя есть наготове с 5000 человек на Белоозере; старец этот и на бою был и заколол своими руками сына боярского в глазах Разина и потом из-под Симбирска ушел. Пророчества, какие ты говорил князю Шайсунову, узнал ты не от господя бога, а от воровских людей, которые к тебе приезжали, надобно думать, что то смятение и кровопролитие сделалось от них. Если бы ты хотел всякого добра по Христовой заповеди, то ты бы про такое превеликое дело не умолчал и тех воровских козаков велел переловить,

а трех человек можно было тебе поймать. Ты объяви теперь обо всем подлинно, а то просишь у государя всякой милости и прощения, а сам к нему никакой правды не объявишь". "Престол я свой оставил и паки было возвратился - дело не новое, - отвечал Никон, - и прежние вселенские патриархи престолы свои оставляли и назад возвращались. Я своего прежнего сана не взыскую, только желаю великого государя милости, а ничем я, кроме своих монастырей, не владел. Собор патриархов Паисия и Макария ставлю я ни во что, потому что они престолов своих отбыли и на их места поставлены другие; повинуюсь я константинопольскому патриарху и прочим вселенским, которые на престолах своих. О том, что говорено было на соборе, я писал правду, государю это известно; да и после, при Степане Наумове и присыльщиках, много раз я досадительные слова говорил и к государю писывал, в том милости и прощения прошу; а что великий государь за многие мои досадительства мне не мстил, за то великую мзду от бога восприимет. Новоисправленных книг я ничем не укорял и не укоряю. Денег я у Стрешнева не принял потому, что государь меня на соборе укорял, говорил: "Боярин Семен Лукьянович Стрешнев был у тебя в запрещении, и ты с него взял 100 рублей и его простил", а я его простил для того, что он добил челом и обещался Воскресенскому монастырю работать и о многих делах того монастыря государю докладывал, деньги же прислал вкладом в монастырь после прощения спустя года с полтора. О Вологде и Разине ничего не знаю: козаки, три человека, мне говорили, что по указу государеву посланы они были на Невль, велено их устроить землями, но они так жить и пашни пахать не привыкли, а государева жалованья и корму им не было, и они идут воли искать: а не сказал я Наумову про козаков потому, что они сказывали про свое многолюдство, так я боялся, чтобы смуты не учинить, а оборониться от них было нечем; к государю же о козаках этих я тогда писал и архимандриту Иосифу сказывал. Родиону Стрешневу я не говорил про смерть царевича и про смуту именно, а говорил, что по смерти царицы будет другая беда, не меньше, а после этой еще хуже будет, потому что мне это объявлено от господина бога; а говорил я эти слова сердито, досажая великому государю; князю же Самойле я говорил о смерти царевича и о разорении от воров именно, потому что уже сделалось. Великий государь пожаловал бы меня, велел быть в Воскресенском монастыре или в другом каком моего строения, лучше в Иверском, и указал бы у меня быть, кому он верит; лета мои не малые, постигло увечье, а призреть меня стало некому; да пожаловал бы государь, простил всех, кто наказан из-за меня".

Никона не перевели ни в Воскресенский, ни в Иверский монастырь; но положение его в Ферапонтове стало иное, как скоро государь возобновил с ним сношения, стал присылать богатые подарки, величать великим и святым старцем. И вот Никон, как нарочно, спешит доказать, что ни то, ни другое название нейдут к нему, спешит подтвердить то наблюдение, что скорбь располагает мягкие натуры к уединению, к жизни внутренней, созерцательной, натуры же беспокойные становятся от скорби еще беспокойнее. С 1672 года у Никона начинается мелкая, неприличная борьба с монахами Кирилловского Белозерского монастыря, на который была возложена обязанность снабжать его съестными припасами. Начинается ряд жалоб, доносов царю, причем новый пристав, князь Шайсупов, не был забыт. Так, однажды Никон просит царя: "Не вели, государь, кирилловскому архимандриту с братиею в мою кельишку чертей напускать! Дворецкий Кириллова монастыря говорил про меня: "Что он с Кирилловым монастырем заедается? Кому он хоромы строит? чертям что ли в них жить?" И вот того же вечера птица, неведомо откуда взявшись, яко вран черна, пролетела сквозь келии во все двери и исчезла неведомо куда, и в ту ночь демоны не дали мне уснуть, одеялишко с меня дважды сволочили долой и беды всякие неподобные многие творили, да и по многие дни великие беды бесы творили, являясь овогда служками кирилловскими, овогда старцами, грозяся всякими злобами, и в окна теперь пакостят, овогда зверьми страшными являються грозяся, овогда птицами нечистыми". Тяжек приходился Никон кирилловским монахам; они

говорили ферапонтским: "Кушает ваш батька нас". И эти слова подают Никону повод к новой жалобе. "Я, благодатию божиею, не человекаюдец", - пишет он царю. Шайсунов доносил царю: "В великий четверток (1674 года) монах Никон пошел было к обедне в соборную церковь, перед ним пошли два человека стрельцов, а позади пошел сотник да еще шесть стрельцов. Не дошед до церкви, он вдруг осердился и пошел назад в келию, а идучи, говорил, что он под стражею в церковь идти не хочет. Я в праздник Светлого Воскресения после заутрени приходил к нему в келию о Христе целование получить, но он в келию меня к себе не пустил и выслал монаха сказать мне, будто я его в великий четверток от причастия отлучил, и с того времени он, Никон, яко от огня с кручины разгорелся, видеться со мною и христосоваться не захотел". До какой степени доходила запальчивость Никона, всего лучше можно видеть из письма его к вологодскому архиепископу Симону. Узнав, что Никон не ходит в церковь, Симон писал к Шайсунову, чтоб тот попросил его объявить причину этого, не заражены ли игумен с братьею расколом, так ли идет у них служба церковная, как предписывает православная церковь? Что же отвечал Никон? "Никон, божиею милостию патриарх, Симону, епископу: ты, чернец, забыв священное евангельское приточное наказание фарисейское, паки и другое о малом сучце во очеси брата, в своем глазе бревна не чуеши. Забыл еси то, как ты в Александрове монастыре на кобыле пахивал, а ныне..." Но мы отказываемся передавать читателям дальнейшие обличения.

Чего только не виделось и не слышалось Никону? У повара Лариона была привычка, когда кто ему что-нибудь скажет, отвечать добро-ста; но Никону в этом добро-ста слышалось совсем другое, и вот царь получает письмо: "Оглашают меня кирилловские, будто я их монастырских людей бью, а я никого не бивал. А как строитель Исаия в Ферапонтове монастыре у келейного дела был, в то время был поварок их Ларка и ко всякому делу говорил, о чем я ему молвлю: добр Астарт, а в древнем писании идол был некий сидонский Астарт, и которые его за бога почитали, приглашали: добр Астарт. Я ему. Ларке, говаривал много раз: не зови меня Астартом, я, благодатию божиею, христианин, а не Астарт, и он, Ларка, не перестал зовучи Астартом; я жаловался на него строителю Исаии, и строитель смирял его перед нашею келиею плетьюми, а не я его бил".

Царь терпеливо принимал все эти жалобы и объяснения, посылал разыскивать, в чем дело, успокаивать Никона, устраивать его хозяйство, помещение, посылал подарки, деньги, лакомства. Однажды государь послал ему кроме денег пять белуг, десять осетров, две севрюги, две лососи свежих, коврижек. Никон писал, благодаря за эту присылку: "А я было ожидал к себе вашей государственной милости и овощей, винограду в патоке, яблочек, слив, вишенок, только вам господь бог о том не известил, а здесь этой благодати никогда не выдаем, и аще обрел буду благодать пред вами, государи, пришлите, господа ради, убогому старцу". В другой раз царь послал именной пирог, денег 200 рублей, от царицы 25 полотен и 20 полотенец, от царевича Петра мех соболий. Никон отвечал, что из меха шубы не выйдет, надобно два вершка в прибавку, прикупить здесь негде: и прежде присланные меха, соболий и лисий, лежат затем, что шуб из них сделать нельзя: "Сотворите, господа ради, милость, велите свое жалованье исполнить". Добавка к мехам была послана.

Но неужели Никон позволил всего себя поглотить мелким заботам о келиях, поварнях, погребах, шубах, яблоках, винограде? Нет, выказывались и стремления к высшей деятельности: в келию к Никону стекались больные; он говорил над ними молитвы, давал лекарства; находившийся при нем монах Мардарий ездил в Москву покупать эти лекарства: масло деревянное, ладон росный, скипидар, траву чечуй, целибоху, зверобойную, нашатырь, квасцы, купорос, канфору, камень безуй. Враги Никона старались опозорить и эту деятельность его: но имеем ли право верить врагам-

обвинителям? К сожалению, Никон сам старался показать, как чистое смешивалось у него с нечистым: так, он не преминул прислать царю список излеченных им людей и посланному царскому рассказывал, что был ему глагол: "Отнято у тебя патриаршество, зато дана чаша лекарственная: лечи болящих".